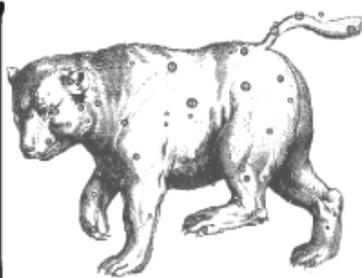

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№3(33) сентябрь – октябрь 2012

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИЯ?

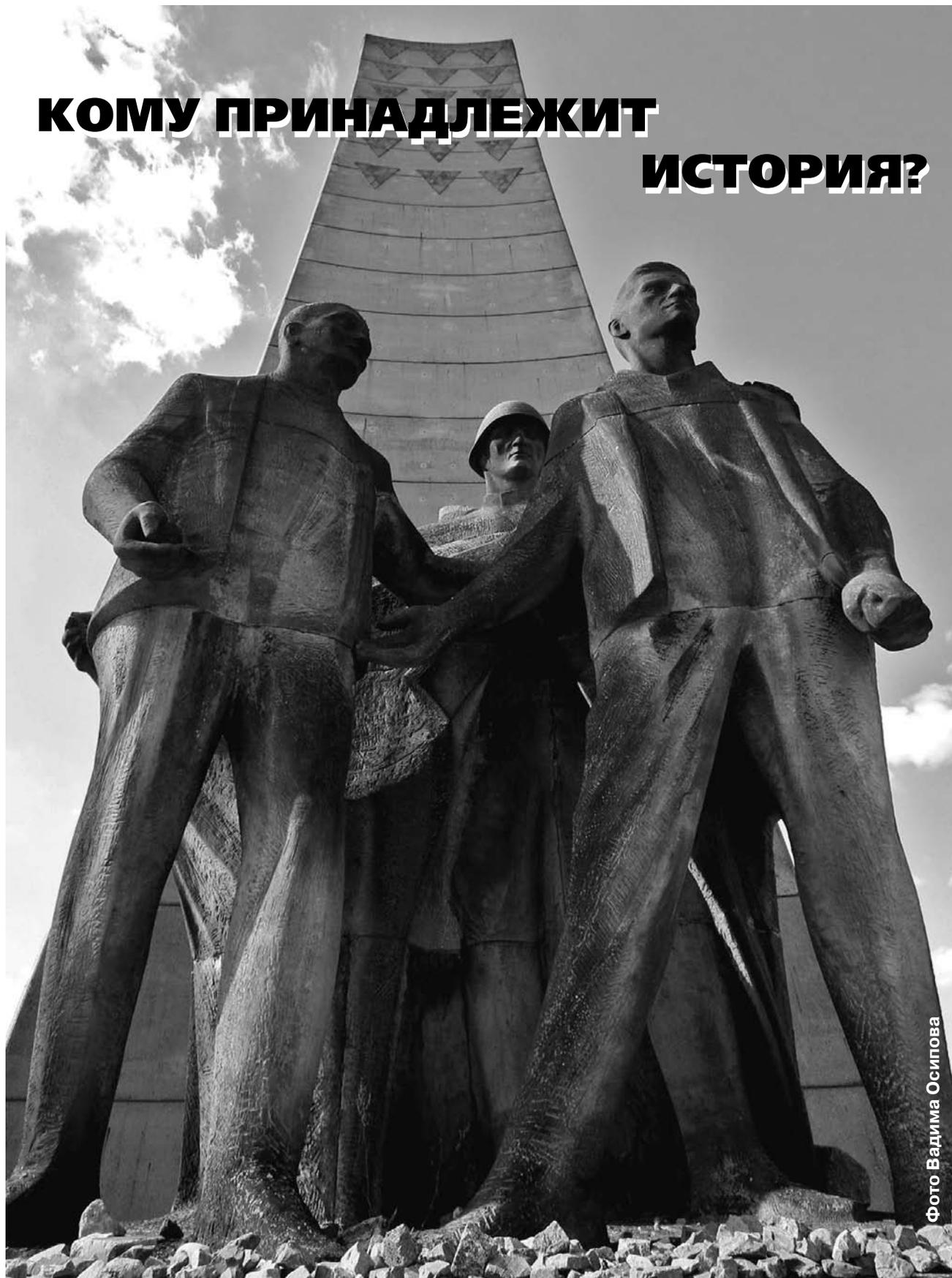

Фото Вадима Осипова

Согласно пушкинской аксиоме, история принадлежит поэту. С горечью понимаешь, насколько эта речевая формула идеальна. Да, только поэт, носитель объёмного, целостного мышления способен воссоздать из видимого непобедимого хаоса гармо-

нический образ эпохи – образ, включающий в себя не только исторические реалии, но и символические ряды, и — главное — этическую оценку. Сила поэтического переосмысления истории такова, что все «случайные черты» и косметика, тщательно

наложенная имиджмейкерами, стираются бесследно, даже если прошло уже достаточно времени и чужие краски въелись прочно. Главное — чтобы литература была и о своём предназначении помнила.

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 4 ➔

В номере

НАВСТРЕЧУ

XIII КОНФЕРЕНЦИИ АСПУР

В ОРЕНБУРГЕ:

ДОКЛАД А.ТИТОВА С. 5-7

ПЕРЕДОВАЯ С. 1, 4

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

С. 2-4

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

С ВИТАЛИЕМ МОЛЧАНОВЫМ

С. 7-8

ЗАПИСКИ ВОЛЬНОГО

ПУТЕШЕСТВЕННИКА

С. 9-10

НОВЫЕ КНИГИ

С. 11-12

СТИХИ:

САЛИМ ФАТЬХОВ С. 13

ВАСИЛИЙ ГЛУШКОВ С. 15

ПРОЗА:

ПЕТР КРАСНОВ С. 14-15

ОБЪЯВЛЕН КОНКУРС

НА ОТКРЫТИЮ

ЛИТЕРАТУРНУЮ ПРЕМИЮ

УРАЛЬСКОГО

ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

С. 16

ЕКАТЕРИНБУРГ

ГЛАВНАЯ ПРЕМИЯ БОЛЬШОГО УРАЛА ВРУЧЕНА

В резиденции полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе прошла торжественная церемония вручения литературной премии УрФО, учрежденной под патронажем Полномочного представителя Президента в УрФО Евгения Куйвашева. Напомним, что всего на конкурс поступило 60 работ из России, Украины, Белоруссии, Азербайджана и Израиля. Жюри премии в составе известных писателей, критиков и филологов: Арсена Титова и Леонида Быкова (Екатеринбург), Дмитрия Мизгулина (Ханты-Мансийск), Лолы Звонаревой и Александра Казинцева (Москва), Салима Фатыхова (Челябинск), Натальи Дворцовой (Тюмень), работавшее под председательством Сергея Сметанюка отобрало 20 лучших произведений, составивших короткий список премии.

По итогам конкурса награды первым лауреатам: дипломы, нагрудные знаки и денежные премии вручил заместитель полпреда Сергей Сметанюк.

Победителями стали: в номинации «Проза» — Козлов Сергей Сергеевич за роман «Репетиция Апокалипсиса (Ненеция была помилована)» (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра); в номинации «Поэзия» — Кердан Александр Борисович за книгу избранных стихотворений: «Новый век» (Свердловская область); в номинации «Литература для детей и юношества» — Крапивин Владислав Петрович за вклад в развитие литературы для детей и юношества (Тюменская область); в номинации «Документальная проза и краеведение» — Омельчук Анатолий Константинович за книгу документальной прозы «Сибирская книга» (Тюменская область); в номинации «Литературная критика» — Расторгуев Андрей Петрович и Ягодинцева Нина Александровна за электронную книгу критических статей «Жажда речи» (Свердловская область — Челябинская область).

Так же были вручены награды в специальных номинациях: за «Верность истокам» — Трахимёнок Сергей Александрович за роман «Чаша Петри или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Республика Беларусь) и Мачулин Леонид Иванович за цикл очерков «В поисках своей реки» (Республика Украина). Диплом лауреата в специальной номинации «Поэзия духа» получил протоиерей Алексей Зайцев за книгу стихов «Троицын день» (Челябинская область).

Дипломы номинантов, цветы и ценные подарки получили так же более десяти поэтов и прозаиков из разных регионов России, вошедшие в короткий список премии. Лауреатов и гостей церемонии приветствовали певица, лауреат международных и всероссийских конкурсов русского романса Яна Чабан и детский хор «Октоих».

Очередной открытый конкурс на соискание Литературной премии Уральского федерального округа будет объявлен в октябре-ноябре текущего года.

БЕРЕЗНИКИ, ПЕРМСКИЙ КРАЙ

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

Традиционный фестиваль, посвященный памяти Алексея Решетова состоялся в Культурно-деловом центре города Березники Пермского края.

Почётными гостями фестиваля в этом году стали: вдова Решетова Тамара Катаева, писатели Александр Кердан (Екатеринбург), Виталий Богомолов (Пермь), а так же главный редактор журнала «Мы — земляки» Галина Костарева и главный библиотекарь пермской краевой библиотеки им. М.Горького Татьяна Виноградова.

В фестивале-конкурсе приняло участие 322 человека из 13 городов и 9 районов Пермского края, а так же из Москвы. Конкурс проводился по 6 номинациям: «Поэзия», «Произведения малой прозы, сказка, фантастика», «Исполнительское искусство», «Решетовские строки на экране», «Художественное творчество». В четырёх возрастных группах: дети и подростки, юношество, молодежь, взрослые на конкурс поступило 922 авторских произведения. Более пятидесяти из них были удостоены дипломов и ценного подарка — собрания сочинений А. Решетова в 3-х томах. Церемонию награждения украсили выступления юных балерин из театра балета.

После церемонии награждения состоялась творческая встреча членов экспертного жюри, участников фестиваля с творческой интеллигенцией города. Поднимались и обсуждались такие вопросы как: «Зачем и кому нужна поэзия и вообще литература?», «Допустима ли ненормативная лексика в словаре поэта?», «Равноценны ли традиционная литература и сетевая литература?», «Как провинциальные поэты могут печатать свои стихи и издавать сборники?», «Может ли современный поэт собирать стадионы, как это было в 60-е?», «Как относиться к массовой литературе?» и др.

В этот же день для юных участников конкурса прошли мастер-классы членов Союза писателей России: Т. Соколовой, Ю. Калашникова, И. Тюленева, А. Зеленина. По итогам фестиваля-конкурса решено выпустить сборник лучших работ в печатном и электронном виде.

Татьяна СОКОЛОВА

КИРОВ

ГРИН ОСТАЁТСЯ С НАМИ

В конце августа в столице региона прошла торжественная церемония вручения литературной премии им. Александра Грина. На этот раз ее лауреатом стал известный писатель и публицист, курганец Виктор Потанин, автор многочисленных рассказов и повестей, в частности «Поезда не возвращаются», «Золотой ковчег», «Белый конь» и других.

Премия им. Грина в этом году вручается уже в 13-ый раз. Ее учредителями являются правительство Кировской области, администрации Кирова и Слободского. Размер премии составляет 45 тысяч рублей. В прошлые годы лауреатами становились такие известные писатели, как Сергей Лукьяненко, Владимир Железников, Александр Кердан, Валерий Воскобойников и другие.

Церемония вручения впервые прошла не в здании правительства области, а в обновленной детско-юношеской библиотеке им. Грина. Фактически это было ее открытие после длительных реставрационных работ. Прежде здание на перекрестке улиц К. Маркса и Спасской библиотека делила с театром кукол. Последний располагался на втором этаже. После его переезда в новое здание, освободившиеся площади передали детской библиотеке и объединили ее с юношеской библиотекой.

На церемонии вручения премии сопредседатель Союза писателей России и первый лауреат премии Грина Альберт Лиханов заявил:

— В Кировской области наблюдается нетипичный тренд. В то время, когда вся страна фактически перестала читать, в Кировской области идет ренессанс библиотечного дела. Построено новое здание Герценки, а теперь и библиотеки Грина.

К слову, церемония вручения премии проходила в бывшем зрительном зале театра кукол. Он преобразился до неузнаваемости. Но больше всего восторгов у присутствовавших вызвали огромные хрустальные люстры в форме кораблей с алыми парусами в фойе 2-го этажа. Отметим, что на реставрацию здания с 2005 года было потрачено более 18 миллионов рублей.

В этот же день новый лауреат Гриновской премии Виктор Потанин встретился с читателями и ответил на вопросы журналистов.

Светлана ТЕТЕНЬКИНА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ПРОЗРАЧНОЕ УТРО

Так называется новый, четвертый сольный альбом известной исполнительницы русского старинного и городского романса Яны Чабан. Творчество солистки концертной группы Ассоциации писателей Урала, лауреата всероссийских и международных конкурсов и премий хорошо известно не только на Урале, но и далеко за его пределами. Напомним, что Яна Чабан, единственная из уральских исполнительниц была участницей телепередачи «Романтика романса» (ТВ «Культура») и ведущий Святослав Бэлза назвал её продолжательницей лучших традиций исполнителей романса Серебряного века Изабеллы Юрьевой и Александра Вертинского.

Запись нового альбома происходила на студии «ТУТТИ-Records» известного уральского композитора Александра Пантыкина, автора одного из романсов, вошедших в альбом. В числе других двадцати композиций есть и хорошо известные поклонникам жанра романсы, и новые, написанные специально для Яны Чабан уральскими и московскими поэтами и композиторами.

Свой новый альбом певица представила первым слушателям в начале сентября на собрании активистов русско-польского общества в Екатеринбурге.

Анна АРЕФЬЕВА

БОЛЬШЕРЕЧЬЕ, ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

МАКАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На родине известного сибирского поэта в сентябре этого года состоялись Вторые Макаровские чтения.

Среди их участников и гостей были коллеги Владимира Макарова по перу из Омска и Тары, местные литераторы и чтецы. Омичи В. Ерофеева-Тверская, М.Безденежных, О. Клишин, С. Курач, Н. Кускова из Тары, а также представители культурной элиты Большеречья В. Физиков, Ю. Зародова, В. Хомяков тепло вспомнили прекрасного русского поэта и светлого человека.

Украшением чтений стали художественные выступления дипломантов районных конкурсов «Литературное творчество», «Художественное творчество», анимационный конкурс и «Конкурс чтецов» по произведениям А.В.Макарова.

Глава Большереченского муниципального района Василий Майстепанов вручил литературную премию имени Владимира Макарова лауреатам этого года Олегу Клишину и Марине Безденежных.

В этот же день писатели выступили в поселениях Могильно-Посельское, Шипицино, Красный Яр перед аудиториями, собравшими жителей от мала до велика. Не смотря на уборочную страду и сбор картофеля, люди нашли время, и пришли послушать художественное слово. Макаровские чтения были организованы и проведены по инициативе Омской областной организации Союза писателей России, при поддержке администрации Большереченского муниципального района и Омского регионального отделения политической партии «Единая Россия».

По заверению организаторов, Макаровские чтения на родине поэта будут проходить ежегодно. Возможно, со временем они получат и федеральный статус. Ведь имя Владимира Макарова к этому обязывает!

Людмила КАЗАЧИНА

ЧЕЛЯБИНСК

СТИХИ НА КИРОВКЕ

На улице Кирова, где проходил Фестиваль книги, людей собралось немало. Здесь были представлены все крупные книжные издательства и библиотеки областного центра, в том числе областная и городская библиотеки. Работала площадка, где постоянно выступали поэты и барды.

Возле столиков, за которыми расположились челябинские писатели, всегда останавливались посетители. Здесь продавались книги, авторы которых тут же раздавали покупателям автографы. А рядом постоянно работал микрофон. Выступили Олег Павлов, Лилия Кулешова, Нина Ягодинцева, Ирина Аргутина. Тепло поздравил с праздником ветеран Второй мировой войны, герой книги «Человек из легенды», югославский партизан Милован Ильич Ковачевич.

А затем один за другим выступили со своим творчеством участники литературных объединений «Светунец», «Вдохновение», «Студенческий Парнас», «Рифма», «Подводная лодка» и «Талисман». Был свободный микрофон, и по нему читали свои стихи горожане. Праздник, который прошёл в канун Дня рождения города Челябинска, удался. Он показал, что люди тянутся к настоящему поэтическому слову, к искусству, любят своих земляков-южноуральских поэтов.

Алексей БОЧАРОВ

ЕКАТЕРИНБУРГ

СТАНЦЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

4 мая в Камерном театре Объединённого музея писателей Урала, в Екатеринбурге второй раз состоялось вручение Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В.Т.Станцева.

Вел церемонию вручения премии заслуженный работник культуры России, координатор Ассоциации писателей Урала, сопредседатель Союза писателей России Александр Кердан. В церемонии приняли участие Главный федеральный инспектор по Свердловской области Яков Силин, министр культуры и туризма свердловской области Алексей Бадаев, представители Администрации города Екатеринбург, писатели, музейные работники, школьники и студенты.

Лауреатами «станцевской премии-2012» стали поэт, участник войны в Афганистане Александр Шалобаев (г. Каменск-Уральский) — за книгу стихов «Воспоминания об Афганистане» и известный русский поэт, сопредседатель Союза писателей России, руководитель Орловской областной писательской организации Геннадий Попов — за поэтический сборник «Дороги утреннего света», продолжающий, как отметило жюри, лучшие традиции русской державно-патриотической поэзии. Традиции, которые исповедовал в поэзии и сам Венедикт Станцев.

Лауреатов премии приветствовала солистка концертной группы Ассоциации писателей Урала, лауреат международных и всероссийских конкурсов Яна Чабан. В ее исполнении прозвучали популярные песни военных лет.

Напомним, что решение об учреждении Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Станцева было принято два года назад Координационным советом Ассоциации писателей Урала, дирекцией Уральского отделения Литературного фонда России и дочерью поэта Е.В. Григорьевой. Его сразу же поддержала Администрация города Екатеринбург.

Вручение премии в этом году стало завершающим мероприятием в праздновании 90-летия со дня рождения В. Т. Станцева. Саму дату его рождения 22-го апреля отметили достаточно скромно, потому что знали: главные события впереди. И вот это — случилось: 4 мая на фасаде екатеринбургского Дома писателей на Пушкина, 12 была торжественно открыта мемориальная доска Венедикта Тимофеевича Станцева.

Он ушёл на фронт с первых дней войны. Добровольцем! Защищал Москву и Ленинград, штурмовал Сапун-гору и Кенигсберг. С сентября 1944-го — военный журналист, сотрудник фронтовых газет «Боевая гвардейская», «Гвардеец», «Красный воин», «Советское слово», «Красный боец». И первые стихи он написал тоже на фронте — в 1944-м они были опубликованы в армейской газете...

Всё это — для тех, кто не знает. Для большинства же земляков Венедикт Станцев — известный уральский поэт и писатель, автор книг «Иду в бой», «Баллада о хлебе», «Залп», «Роса на стволе», «Гляжу я память в глаза», «С болью наедине», «Зов», «Диво-дивизия» и других. В последние годы своей жизни он был старейшиной, патриархом уральского писательского сообщества. Немногословный, доброжелательный, с юмором редким, но неизменно в точку...

«...Я знал о войнах с малолетства, /И сам не раз крещён войной...» — его строки. Его судьба. Его память. И память о нём.

В год 60-летия Победы книга В. Станцева «Диво-дивизия» (о 3-й гвардейской стрелковой дивизии) была признана в столице Урала лучшей книгой года. Сегодня её проходят на уроках истории в школах, а в ней — такие строки: «...только за один день (11 октября) отбили 12 атак пехоты при поддержке танков... Как только держались бойцы! Уму непостижимо!».

Мемориальная доска в честь и память ветерана 3-й Уральской гвардейской стрелковой дивизии В. Станцева — пятая из числа памятных досок, посвящённых уральским литераторам (прежде этих знаков внимания были удостоены П. Бажов, Л. Сорокин, А. Решетов и В. Очеретин). Общее мнение — событие случилось заслуженно и вовремя, в год 90-летия со дня рождения поэта-фронтовика. Сегодня это нужно не столько ему, творцу мужественной поэзии, сколько нам. Живущим. Наследникам. Землякам. Читателям молодого поколения.

Ирина КЛЕПИКОВА

На фото: диплом лауреата премии вручается Александру Шалобаеву

ПСКОВ

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК

В начале июня в Псковской области прошел 46-й Всероссийский Пушкинский праздник поэзии «Чувства добрые я лирой пробуждал...»

По традиции, его официальное открытие состоялось на поляне в Михайловском — родовом имении А. С. Пушкина.

Гостей праздника приветствовал Первый Заместитель Губернатора Псковской области Сергей Перников. От имени Правления Союза писателей России к участникам праздника обратился сопредседатель этой общественной организации Александр Кердан: «Без Пушкина пропадем. Он в сердце каждого русского человека с детства и до последних часов жизни». В дар музею были переданы новые книги уральцев и сибиряков.

Директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» Георгий Василевич предоставил право поднять официальный флаг праздника детям музейных работников. Прошло спецгашение знаков почтовой оплаты, приуроченное к этому дню. В поэтической части праздника выступили поэты: Владимир Костров, Магомет Ахмедов, Александр Кердан Игорь Тюленев, Андрей Краденев, Александр Орлов, Наталья Иванова, Вита Пшеничная, Андрей Бениаминов и Игорь Смолькин. На время их выступления на Пушкинской поляне объявили «час тишины», чтобы все внимание гостей было привлечено к поэзии.

На следующий день праздник поэзии был продолжен в большом зале Псковской областной филармонии.

Александр БОРИСОВ

ПЕРМЬ

В ДЕНЬ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Пермские писатели и Всероссийская общественная организация «Культурный фронт» провели в Перми у памятника Александру Пушкину (работа В.Клыкова) литературный историко-патриотический вечер «Недаром помнит вся Россия про день Бородина...»

В 1812 году Пермь достойно сражалась на Бородинском поле, где стоит памятный знак Пермскому пехотному полку. Самый известный пермяк-участник этого сражения майор Николай Теплов, командир Шерванского пехотного полка.

Свой вклад в победу над Наполеоном внесли и пермские заводы. Мотовилиха отливала не только пушки, но и плавала особую штыковую медь, которая была известна далеко за пределами России. А гранаты, ядра, картечь изготавливали на прикамских заводах в Чёрмозе, Лысьве, Кыне, Добрянке. Только Пожевский завод в 1812 году ежемесячно изготавливал от 8 до 15 тысяч пудов ядер и бомб.

Обо всём этом говорили и читали свои стихи выступившие на вечере пермские поэты: Анатолий Гребнев, Валентина Телегина, Александр Мальцев, Фёдор Востриков, Игорь Тюленев, Владимир Якушев и другие.

Соб.информ.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИЯ?

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 1

Сегодня (впрочем, как и всегда) история принадлежит агрессивным имиджмейкерам. Мы, живущие на историческом сломе, видим, как переписываются события не только недавнего прошлого, но и вчерашнего настоящего, и количества этой информации таково, что о качестве просто некогда вспомнить. А между тем отлучение от истории — одна из самых мощных атак на государственность и культуру. Это всё равно что отрезать от своих и взять в окружение, а потом уже можно спокойно, методично добывать окруженцев малыми группами и поодиночке. Наживки, на которую ловится массовое сознание, довольно примитивны: новизна (открытие ранее не известной информации или дезинформации, якобы меняющей картину в целом), сенсационность (разного рода «разоблачительные» материалы в отношении знаковых событий и личностей) и псевдоэтическая переоценка исторических периодов. Последнее, пожалуй, опаснее всего, и это следует пояснить.

Псевдоэтическая оценка истории отличается от этической единственным нюансом: она делается не с общенародной позиции, а с позиции той или иной социальной группы и распространяется на всех. Этот метод в отношении советской истории сработал более чем успешно, породив мощные негативные мифы о периодах индустриализации и послевоенного восстановления страны. Безусловно отрицательная этическая оценка массовых репрессий этих периодов полностью перекрыла положительные, жизненно важ-

АВТОРА!

Родилась в 1962 году. Член Союза писателей России. Кандидат культурологии, доцент. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, премии имени П.П. Бажова, лауреат Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. Автор восьми поэтических книг и книги критики (в соавторстве с А.Расторгуевым). Живёт в г. Челябинске.

ные для страны смыслы середины тридцатых годов и послевоенных лет, а нравственное осуждение наиболее ярких и продуктивных для страны исторических периодов позволило негативно оценить советскую историю в целом и напасть на самое святое — Великую Отечественную войну и Великую Победу.

Впрочем, даже при беглом рассмотрении этой проблемы становится ясно, что история наша переписывалась не раз, и всё время откровенно в антирусских интересах. У нас практически разрушен мифологический слой (а это слой первоосмыслов всякой культуры) — учёные уже не могут восстановить пантеон славянских богов, хотя Запад настойчиво относит славянскую культуру к более «молодым», чем они сами, недооформленным, не сформировавшим ценностно-смыслового ядра (особенно смешно это звучит из уст американских учёных команды Сороса). Если бы мы были молодой культурой, мифологический слой был бы ещё довольно мощным и цельным.

Мы довольствуемся обрывками эпоса, который призван питать культуру героическим духом. Утрата самодержавия и издержки советской идеологии привели к созданию в массовом сознании мощного негативного мифа о том, на протяжении веков страной руководили недалёкие самодуры или полные маразматика, а уж спроецировать этот миф на советский период стратегам сегодняшних культурных войн вообще не стоило труда.

Но если бы всё было так просто и так плохо, России как страны уже давно бы не существовало. Есть память генетическая, память крови, память побед и страшных утрат, и есть литература, которая сохраняет историю в свете высоких этических оценок, где высшей нравственностью и целесообразностью всегда является и остаётся бытие народа, довлеющее над интересами личными и мелкогрупповыми.

Работая с молодёжью, с молодыми литераторами и режиссёрами массовых праздников, я вижу и ощущаю их естественную тягу к историческому знанию. Вначале это просто желание приобщиться к чему-то более сильному, мощному, чем единичная человеческая жизнь, и если в этот момент на помощь молодому человеку приходит родная история — он черпает силы именно здесь.

Литература с её нравственной оценкой истории лежит и сегодня в основе самых разнообразных форм приобщения, возвращения к историческим корням. Поскольку негативная информация о нашей истории носит агрессивно-эмоциональный характер, противостоять ей может

эмоционально акцентированное, заинтересованное знание, которое лучше всего усваивается в процессе игры. Могут привести ряд конкретных современных форм интеллектуально-исторических игр, проводимых в Челябинске. Педагогический университет уже много лет подряд реализует великолепную идею игры «Русский мир» для школьников Челябинска. Автор идеи — режиссёр и педагог Олег Павлович Евдак, игра помогает детям осваивать литературную, художественную, музыкальную и кино-классику, требует исторических знаний и проводится по принципу «дружины», соборности, противоположному тем схемам «на выбывание», которые предлагаются играми прозападного толка.

Челябинская государственная академия культуры и искусств проводит интеллектуальную историческую игру для студентов «Держава». Создатели этой игры режиссёры массовых праздников О. П. Евдак и Александр Алексеевич Мордасов заложили в её основу знание истории и государственной атрибутики, в символах которой, безусловно, прочитываются высокие исторические смыслы.

Челябинская областная юношеская библиотека к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года подготовила мультимедийное издание, в которое включена компьютерная игра «Как уральские казаки Бородинскую битву спасали». Игра адресована детям 12–14 лет и насыщена не только приключениями и заданиями на смекалку. Продумывая в качестве автора сценария стимул игры, я решила, что исторический материал ребёнок сможет открыть для себя, только пройдя то или иное игровое задание на сообразительность. То есть знание истории здесь является своеобразной наградой тому, кто сумеет правильно решить задачу эпизода. Думаю, это было верным решением моей задачи сценариста.

Актуальность эмоционального знания сегодня требует от нас поиска самых разных форм сохранения и передачи исторических знаний. Важно, чтобы в них обязательно присутствовали две составляющие: позитивная эмоциональность (в противовес эмоциональной агрессии отрицания и разрушения) и высокая нравственная оценка, ставящая бытие народа и культуры в целом выше довольно примитивного инстинкта самовыражения. А это возможно на основе только большой литературы. Писатель начинается там, где заканчивается его человеческий эгоизм и обретают речь мощные, глубокие пласты народного сознания. И здесь вновь мы возвращаемся к пушкинской аксиоме...

Нина ЯГОДИНЦЕВА

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК, ИЛИ ПИШЕТ ЛИ ИСТОРИЮ ЛИТЕРАТОР

Доклад сопредседателя АСПУР А.Б. Титова

Тема обусловлена объявлением 2012 года годом российской истории, то есть 1150-летием российского государства, 200-летием Отечественной войны и, добавим, 400-летия окончания Первой гражданской войны в России, то есть Смутного времени, и 90-летию окончания Второй гражданской войны.

Пишет ли историю литератор? Можно прямо сказать: «Пишет!» — и на том закончить доклад. Можно прямо сказать, что не пишет, — и тоже на том закончить доклад. А можно сказать, что одновременно и пишет, и не пишет, — и тоже на этом закончить доклад.

Так все-таки пишет, не пишет или одновременно пишет и не пишет?

Прежде всего, разберемся с тем, что такое литература, и что такое история.

Литература — это один из основных видов искусства, это искусство слова — таковой в обычном и более строгом смысле она считается в произведениях художественной письменности. К нашему времени она прошла сложный путь развития от народного поэтического творчества, мифологии, религии до современного, так сказать, нового, романа без фабулы и до эпигонов модернизма и постмодернизма. Одновременно литература всегда находилась и находится сейчас на грани искусства как ремесла и умственно-духовной деятельности, по Максиму Горькому, «человековедения». Она прямо сопоставима с философией, с историей, с психологией и другими науками или их ответвлениями.

То есть можно утверждать, что она пишет историю — во всяком случае, ее отражает.

Что такое история? История — это наука о прошлой жизни человечества. Задачей истории является синтез опыта, накопленного человечеством, то есть «человековедение». Она прошла сложный путь от святой веры в нее как в наставницу жизни до полного отрицания ее как учителя.

Если древний историк Лазарь Парбечи говорил о знании прошлого так, что (цитата) «храбрецы, услышав о подвигах других, подвизавшихся раньше, прибавив храбрости, оставляют славную память после себя о себе и своем роде, а ленивцы и трусы стараются исправиться», то ныне больше превалирует постулат о том, что история если что-то наставляет, то только рога.. Кстати, равно же говорят ныне и о литературе — потому-то, наверно, ее изгоняют из школьной программы.

Но и литература, и история — это железобетон культуры и духовной жизни народа. Без них народ, как камни без скрепа, рассыпается, исчезает.

На начальном этапе литература и история были неразделимы. Народный эпос, Библия, труд отца истории Геродота являются достоянием как истории, так и литературы. Возникает вопрос: а нельзя ли при нынешней вакханалии как в истории, так и в литературе, при их, по выражению Василия Макаровича Шукшина, ученой сволочной ахинее, говорить об их новом синкретизме, их новой неразделимости? Ведь некоторые труды (в кавычках) некоторых так называемых историков больше смахивают

на мифологию или вообще на бред си-вой кобылы, что сблизает их с бредом определенной части литераторов? То есть опять мы приходим к выводу, что литераторы историю пишут.

Но если серьезно, если строго научно, так ли это? Если научно, то историки в своей работе опираются строго на документы, на факты. А что такое факт? Факт таковым для историка становится только тогда, когда он зафиксирован. В нашей жизни его могут зафиксировать кто угодно: ваш друг, ваш сосед, случайный встречный, вы сами, журналист, сотрудник милиции, секретарь собрания, писарь воинской части и так далее. В древности это делал летописец. Какова доля объективности и какова доля субъективности превалирует в фиксации факта? На Востоке говорят: дашь чашку чая счастливому человеку из рая, он скажет, это гной; дашь ту же чашку чая несчастному из ада, он скажет, это божественный напиток. Так дело обстоит и с документом, с фактом. Намеренно или нет, но создатель документа, фиксатор факта не отражает всей многогранности и полноты факта, то есть искажает историю.

И в этом отношении, не только литератор, но и сам историк историю не пишет. И как же тут быть?

Александр Блок говорил об Анне Ахматовой: «Она пишет стихи как бы перед мужчинами. А надо писать как бы перед Богом». Но как это писать, чтобы было «как бы перед Богом»? Иконописец прежде, чем взяться за работу, долго готовит свое духовное состояние, свою душу. Утверждать, что литератор или историк этого не делают, было бы ложью. Оба, конечно, к труду готовятся духовно. Только эта подготовка часто выходит иного рода. Она часто выходит с ориентацией на свое «я» или на требование заказчика, на требование господствующей идеологии. Вот пример.

Сердечная подруга Нестора Махно записала в дневнике: «Нестор выпил и вел себя в отношении меня очень нахально». Как бы этот недавно открытый источник использовал историк при советской власти? Естественно, он бы

прибавил его к тем многочисленным пасквилям о Махно как о развратившемся от ужасов империализма типичном мелком сельском буржуа, возмнившем себя вожаком масс. Фантазия литератора в этом случае, конечно, была бы богаче.

Вот еще пример. Протокол партийного собрания одного из учреждений Екатеринбурга 20-х годов отразил критику одних членов партии в адрес других. Цитирую:

— Если хотите иметь хотя маломальскую дисциплину среди беспартийных, то нужно сначала ее в железном виде иметь среди партийцев. А у нас частенько бывает наоборот. Я не говорю уж о неаккуратном посещении собраний, о неуплате членских взносов, а отмечаю недостатки хуже того, примерно — явка на работу в виде стельки!»

Пошел бы такого рода документ в исторический труд при той же советской власти? Нет. Факта прихода на работу коммуниста «в виде стельки» историк отразить бы не смог. Историк написал бы что-нибудь в том роде, что развитие партийной демократии способствовало выработке у советских людей активной жизненной позиции. А в отношении литератора уже в 1925 году была принята резолюция ЦК ВКП(б), в которой было прямо сказано, что в области художественной литературы только партия безошибочно распознает общественно-классовое содержание литературных течений. То есть и литератору оставалось вслед за историком писать про ту же активную жизненную позицию.

Здесь намеренно приводятся примеры малоизвестные, так сказать частного характера, и приводятся они по тому принципу, который отделяет историю от литературы — историк находится рядом с бойцом-героем, а литератор — рядом с бойцом, страдающим от полученной в бою раны.

Но пойдём дальше. Не лучше, думается, положение с историческим знанием и сейчас. Да, возможности историка и литератора сейчас кардинально изменились. Материалы стали практически

общедоступны. Но того «писать как бы перед Богом» не стало. Или стали видеть перед собой другого бога. Недаром литераторов, подвизающихся на так называемой исторической теме, стало столько, что ими хоть пруд пруди.

Все это печально, товарищи!

И всё это на вопрос, пишем ли мы историю, отвечает отрицательно — не пишем.

Но вот парадокс истории — мы все равно, оказывается, пишем, даже если пишем так, как только что о том говорилось. Ибо мы создаем документ о нашей эпохе, наших взглядах, нашем уровне совести, уровне мышления. К месту здесь будет привести замечание Ивана Алексеевича Бунина о том, что ненависть видит яснее любви. Да, ненависть обостряет зрение, но обостряет только зрение внешнее, загораживая внутреннее. Бунин был зорек и тогда, когда писал о русских мужиках в своих повестях, писал с любовью и состраданием, пусть любовью и состраданием барина. Он был зорек и тогда, когда с ненавистью написал о тех же мужиках следующее: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атактистических особей <...>». Разный Бог, разный взгляд — разное зрение.

И уж коли мы коснулись темы исторического повествования как литературного жанра, то с большим пиететом перед их подвижническим трудом назову имена членов нашего сообщества, работающих в этом очень непросто жарге. Это покойный Николай Корсунов из Оренбурга, это Алексей Иванов и в какой-то степени Владимир Кишин из Перми, это Сергей Заплавный из Томска, Александр Родионов из Барнаула, Зоя Прокопьева, Рустам Валеев и, конечно же, Салим Фатыхов из Челябинска, Николай Коняев из Тюмени, Павел Брычков из Омска, Маргарита Анисимкова из Нижневартовска, Владимир Блинов, Юрий Конецкий, Александр Кердан, Арсен Титов из Екатеринбурга (правда, трудно сказать в этом случае, как к самому себе отнестись с большим пиететом). Нельзя не упомянуть Константина Сковрцова и Валерия Ганичева из Москвы, хотя и не членов Ассоциации, но тем или иным образом соприкасающихся с ней.

Как это ни прискорбно, но мы не знаем своей истории, истории нашей Ассоциации. Смею заверить, не знаем. А она объединяет 22 писательские организации на территории, равной одной пятой территории России с населением в 31 миллион человек. Сколько на этой территории пишущих людей, то есть литераторов? Не ошибусь, если скажу, что — все 31 миллион. И это обусловлено складом нашей русской души, рожденной Словом. Все 31 миллион в душе писатели. Сколько среди них членов писательских Союзов? Этого не знает никто. Не знает, потому что мы не знаем нашей истории. Историю какого-нибудь бунта, вроде Парижской коммуны, просуществовавшей 71 день, мы знаем. Про какой-нибудь кружок в столице с собранием пары десятков его членов мы знаем. А про Ассоциацию, живущую уже полных 12 лет и объединяющую 22 региональные писательские организации, ничего не знаем, хотя жизнь ее прошла и проходит на наших глазах.

А думается, в истории мирового искусства не было и едва ли будет подобного нашей Ассоциации объединения,

ЛИТЕРАТУРА

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК,
ИЛИ ПИШЕТ ЛИ ИСТОРИЮ ЛИТЕРАТОР

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 5

подобного по задачам (объединить всех больных и страждущих, каковыми являются художники слова, своим творчеством взявшие за защиту русский язык от осмысленной антирусской злобы), подобного по принципам объединения (добровольно), подобного по охвату территории (3 миллиона 552 тысячи квадратных километров) и подобного по подвижности тех, кто в ней работает.

Но и нет на Земле художника, менее всего поддающегося организации, объединению, соперничанию товарищу по ремеслу, чем литератор. В литераторе, как ни в ком другом, превалирует дух соперничества, так сказать, дух воли. «В России нет свободы — только воля!» — сказал поэт о русской душе, сказал, правда, в ином плане. Но слова эти как нельзя лучше относятся к русскому литератору. Он сам себе и Бог, и царь, и герой. Тем ценнее успех созидательной работы нашей Ассоциации. Хотя обольщаться не стоит. Работа ее зиждется, как это ни прискорбно, на единицах из того общего, но неведомого нам числа членов региональных организаций, входящих в Ассоциацию. Работают единицы. Остальные же в ней пребывают. Может быть, иного и нельзя требовать, иного и не бывает. Это другой вопрос. Но, могу с уверенностью сказать, что большинство членов региональных организаций о самой-то Ассоциации, а не только об ее работе имеют весьма смутное представление. Потому назревает насущная необходимость написания истории Ассоциации. Уже сама работа надписанием истории поднимет такие пласты нашей жизни, поднимет такие душевные подвижки, что послужит явным вовлечением в ее работу гораздо большего числа ее членов, нежели ныне. Более того, она даст возможность увидеть прошлую и нынешнюю жизнь не только самой Ассоциации, но и ее членов — региональных организаций.

Тут нас, конечно, будет поджидать разочарование. «И тебя постигнет разочарование, о царь!» — сказано в одной из новелл одного нашего сотоварища. Постигнет, ибо история наша будет изобиловать отрицательной частью «не». Потому что:

Мы не ведем регулярно протоколов наших мероприятий (тут нам далеко до мероприятий КПСС и Союза писателей СССР. Хотя надо сказать, нам еще дальше до их былых финансовых возможностей!)

Мы не создали ответственного аппарата Ассоциации (за все у нас отвечает только один координатор).

Мы (я имею в виду организации, входящие в Ассоциацию, а не отдельных их представителей) не выполняем принятых решений наших Конференций (понятно, что без финансовых средств их порой выполнить невозможно. Но мы не выполняем вообще никакие).

Мы не знаем за редким исключением того, что делается у соседей.

Мы не участвуем в работе нашей газеты «Большая медведица».

Мы не платим членские взносы.

Мы не работаем в Ассоциации, а просто в ней числимся или, не работая, с нее чего-нибудь требуем.

И таких «не» наберется немало количество. И искоренение таких «не» является нам задачей на сегодняшний

день и на будущее.

Но это наши «не». А есть не наши «не». И они пока что сильнее наших, они пока что во многом определяют наши возможности, то есть, вернее, определяют наши невозможности. И самые большие, самые занозистые из них два «не»:

1. Отсутствие интереса к нам со стороны наших центральных руководящих органов (за исключением Г.В. Иванова, нашего верного товарища и союзника со дня образования Ассоциации).

2. Полное небрежение к нам средств массовой информации.

Здесь сделаем отступление. Конечно, о нас рассказывали и «Российская газета», и «Парламентская газета» и газета «Российский писатель», и телеканал «Культура», радио «Россия», другие печатные издания и информационные агентства. За это им наше сердечное спасибо. Но, думается, здесь сработала больше пробивная способность нашего координатора, чем подлинный интерес СМИ к нашей работе.

Ведь что такое нынешние СМИ?

Они, наши СМИ, по выражению нашего координатора, всей толпой кинутся смаковать подробности того, как грохнули старушку в подъезде, или смаковать интимную жизнь так называемых светских львиц, а по сути, муштрованных тараканов из тьмы западного подземелья. На большее они нынче едва ли способны. Мы говорим здесь не об отдельных изданиях, таких, как «Бийский Вестник», «Огни Кузбасса», «Аргмак» (Татарстан), «Славянин» (Харьков), «Начало века» (Томск), «Эринтур» (Ханты-Мансийск), «Литературный Омск» и некоторых других. Они являются подлинными патриотами и хранителями культуры не только своего края, но и всей России. Мы говорим здесь не о немалом количестве других журналов, газет, телевизионных передач, где зримо присутствует забота и боль о нашем Отечестве. Мы говорим о тех мирадах печатной и телевизионной продукции, которые заполнили все медийное пространство России. Кому они служат — черт их ведает. Но они торопятся отпеть Россию. И им, хотя и выросшим на русской почве, не понятно, что кто-то в условиях крестового похода на нашу культуру, наш язык, нашу территорию, наши природные богатства, может еще противостоять этому крестовому походу. «Как же! — топорщится в их проданных за чечевичную похлебку умах. — Как же, мы же знаем, нам же говорили, ведь Россия — это природное зло!» Для них, вольных или невольных, но служак этого крестового похода, Россия виновата уже в том, что появилась и, только по существу ныне историческим источником, живет тысячу сто пятьдесят лет, Им непонятно, как она пережила каждые два года какое-нибудь иностранное нашествие то в виде прямой агрессии, то в виде организации внутренней смуты. У них Россия виновата во всем. Она виновата у них даже в том, что еще в конце 19 века изобрела телевизор, это мощнейшее — теперь их мощнейшее оружие в уничтожении их же родины России — так все перевернуто у них в головах. Нам говорят: «Это частные издания и каналы!» Но что же за частники ныне пошли, которым радостно участвовать в убийстве своей матери!

Этот крестовый поход ощущаем мы все. Мы богаты недрами. Мы богаты

пресными водами. Мы богаты лесами. Но всего богаче мы языком, нашим великим, без преувеличения, великим русским языком, могущим выразить любое мановение нашей мысли или души. Он может также передать эти мановения любого мирового языка, чего не скажешь о тех языках. Большинство языков мира беднее нашего. Еще Иван Сергеевич Тургенев говорил: «Нечего брать у тех, кто беднее нас!» Вот и услышали они, бедные, эти слова, кинулись брать у того, кто богаче их, вернее не брать, а отбирать, и даже не отбирать, а уничтожать того, кто богаче их.

Наша задача — посредством нашей деятельности, а то и всеми силами защитить язык, культуру, территорию России. Именно для этого мы объединились в Ассоциацию. Именно для этого нам нужна наша история. Она нам нужна еще и для того, чтобы свой народ видеть духовным, а не внешним зрением, видеть его не атавистической особью, а красивым, мощным, созидающим народом. История Англии, США, любого другого государства и народа — это их история. И мы никакого похода против них не устраиваем. Наша история — это наша история. Нельзя допустить, чтобы кто-то лез к нам.

И, чтобы картина не была только черной, подобно ныне осмеиваемому выскочками от нынешнего образования полотну Казимира Малевича «Черный квадрат», надо пояснить некоторые другие «не» из того списка, который был приведен чуть раньше. Нет, картина далека от черноты. Но она и не красна, как красен «Красный квадрат» того же автора или красно знамя победившей пролетарской революции. Она более похожа на полотно пуантилистов, то есть состоит из многих цветных пятен. Но в целом эти пятна создают вполне цельную, проработанную композицию.

Там, где говорилось, что мы не работаем в Ассоциации, имелось в виду, что из того неведомого, но большого числа ее членов работает в ней небольшое количество, как бы раньше сказали, энтузиастов, а лучше сказать, подвижников, кому небезразлична судьба нашей литературы.

Но и этим небольшим количеством сделано немало. Вкратце это немалое звучит так:

1. В регионе за прошедшие 12 лет создана целая система подготовки литературных кадров. За это время проведено 2 всеуральских, 4 всероссийских и одно международное совещаний молодых литераторов, в которых приняли участие более 500 авторов. Активно работают литературные объединения в Челябинске (руководитель Нина Ягодина), в Перми (руководитель Федор Востриков), в Оренбурге (руководитель Вячеслав Моисеев), в городе Полевском Свердловской области (руководитель Анатолий Азовский), в Омске (Татьяна Четверикова), в Кирове (Борис Носков), полагаю, и во многих других регионах. Более сотни молодых писателей по итогам совещаний издали свои первые книги, а 50 из них рекомендованы и стали членами Союза писателей. Выпущено четыре сборника произведений молодых литераторов, их творчеству посвящены отдельные выпуски литературных журналов и альманахов «Врата Сибири», «Сургут литературный» и др.

2. Проведен межрегиональный фестиваль молодых литераторов в городах Тобольске и Оренбурге с участием начинающих авторов Екатеринбург, Оренбурга и Омска. По итогам 5 молодых авторов смогли издать свои первые книги.

3. Учреждены литературные премии: Всероссийские имени Д.Н.

Мамина-Сибиряка, «Честь и Отечество», имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева, открытая Литературная премия Уральского федерального округа, премия «Урал полярный — Урал промышленный». Успешно работал несколько лет Фонд Владислава Крапивина, вручалась международная премия его имени и гранты одаренным детям.

4. Учреждены ежеквартальная газета «Большая Медведица» (вышло в свет более 30 номеров) и альманах «Чаша круговая» (выпущено 11 номеров).

5. Учреждено и работает уже несколько лет издательство «АСПУР» (вышло в свет несколько десятков книг, в том числе в сериях: «Библиотека семейного чтения», «На разных языках»).

6. Взят под покровительство Ассоциации (а по сути, спасён) постоянно работающий поэтический фестиваль в Екатеринбурге «Поэтическое единство», в прежнем названии «Поэтический марафон».

7. Учреждена медаль «За служение литературе», которой награждаются не только литераторы, но и библиотекари, музейные работники, педагоги (награждены более ста человек).

8. Ведутся постоянные встречи писателей с читателями. Многие наши писатели приглашаются работать с молодými литераторами на региональные совещания других регионов.

9. Ну и, конечно, проведено 12, а ныне проводится 13-я, ежегодные конференции Ассоциации, на каждой из которых число членов дружества прирастает. Сегодня мы будем рассматривать вопрос о вступлении 23 организации.

И все это проводится на общественных началах. И можно представить, сколько для этой работы нужно средств! И, конечно, мы благодарны тем руководителям регионов, которые понимают значимость нашей работы для современной жизни России. Мы благодарны руководителям и общественным деятелям тех регионов, которые приняли нас. Мы благодарны городам Нижнему Тагилу, Ишиму, Ханты-Мансийску, Нижневартовску, Сургуту, Каменску-Уральскому, Перми, Челябинску, Магнитогорску, Муравленку, Екатеринбург за их теплоту, за их участие в нашей работе. Мы благодарны городу Оренбургу и Оренбургской области, всем жителям этого сурового, но благословенного края, Губернатору Юрию Александровичу Бергу за постоянное внимание к нам и гостеприимство. На это внимание мы можем ответить только одним — по-настоящему творческой работой, созданием по-настоящему высокохудожественных произведений.

И поэтому позвольте теперь сказать еще об одной насущной задаче — об уровне нашего творчества и прямо связанного с ним уровня приема в члены Союза, так сказать, об уровне написания нами истории или создания документа для истории.

Надо прямо сказать — порой наши документы говорят о нас, показывают нас в таком экзотическом свете, что, случись остаться в будущем только им, — мнение наших потомков о нас будет самое превратное. Оно опечалит наших потомков. «Что же это? — скажут они. — Много тысяч лет назад жил высокохудожественный народ, сумевший создать высокохудожественные произведения, как в наскальной живописи, так и в эпосе, а сто лет назад наступила эра невнятного бормотания, эра такого писательства, от которого просятся атавистические инстинкты все это сжечь!»

И они будут правы. Наши Союзы (и Союз писателей России, и Союз рос-

сийских писателей) засорены огромным количеством серости, людей, не умеющих и не желающих работать, которым просто не дано работать в литературе. И количество серости год от году растёт. Никому из нас нет дела ни до чистоты звания русского литератора, ни до самой русской литературы. Мы принимаем без разбора всякого, кто пожелает мнить себя литератором. Почему? Может быть потому, что мы сами серы? Может быть, потому, что мы не видим, нам не дано видеть эту серость?

Вот пример, с позволения сказать, такой литературы, пришедшей к нам в «Чашу круговую». Литератор, член Союза российских писателей из славного города Т., суконным языком, кое-как справляясь с грамматикой, поведаль, на его взгляд, неординарную по фабуле историю, как некий мужичок купил подержанный автомобиль и радостно катил домой. По дороге он столкнулся с другим мужичком, который катил на телеге. При столкновении лошадь сумела сесть автомобилю на капот, посидев, сумела слезть с него и потрусить дальше. А оба наших героя смотрели ей вслед: не хромает ли. И всё. Я много дней мучился над этим, с позволения сказать, произведением, изыскивая хоть какой-нибудь смысл. И нашел только такой, что историк будущего радостно потрет ручки. «Вот! Эврика! А ведь в XXI веке телега бежала впереди лошади!» — воскликнет он. И он будет прав. А как бы иначе она взгромоздилась на капот автомобиля? И кто же такого создателя документа нашей эпохи принимал в Союз? Да мы и принимали болестливые! И таких создателей документов в обоих Союзах опять же — хоть пруд пруди. Но ведь если ими пруд прудить, то они же скоро его захлестнут своими телами! Не станет в пруду водицы! Может быть, нам, по примеру футбола, разделить всех на лиги: премьер-лига, первая лига, вторая лига, пятая, десятая?

Как нам справиться с этой нашей, все более прогрессирующей, бедой?

Еще раз скажу: или мы сами серы, или мы беспринципны, бессовестны, и даем потачку тому, кто литературу губит, кто просто к ней не способен. Сами такие. Сами с себя спроса не ведем, но с удовольствием брюзжим, а то и злорадуем, что у нас в стране всё не ладно: наши ракеты не летят, наши автомобили не бегают, правители не управляют, дума не думает, мужик не робит, бабы «не родют», крокодил не ловится, кокос не растёт...

Вот о таких наших недостатках, о таких документах истории, которые создаем мы, литераторы, хотелось бы поговорить. И если известный русский поэт Николай Переславский говорит: «Защитники Отечества — поэты...», то некоторые историки стали выводить, что зачинателями гражданских войн являются писатели. Вот еще какое наше шествие грядет на литературу и, верно, так на нашу Ассоциацию!

Но, чтобы не застить деревьями лес, повторю: такого объединения творческих сил, как наша Ассоциация, история литературы и всеобщая история искусства не знали. Такое объединение надо беречь. Такое объединение надо любить. Опыт его надо изучать и пропагандировать. И смотреть на него надо не зрением, обостренным неприязнью, а зрением, обостренным соучастием или, как некогда выразился наш владыка патриарх Кирилл, сорботничеством.

А работы у нас впереди много. Ее хватит на всех, и еще останется.

За работу, товарищи!

Виталий Молчанов: НАШИ ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ...

Стали традиционными интервью с руководителями писательских организаций, входящих в АСПУр. В канун очередной конференции Ассоциации писателей Урала на вопросы корреспондента «БМ» отвечает председатель Оренбургской региональной организации Союза российских писателей Виталий Молчанов.

— **Виталий Митрофанович, расскажите, пожалуйста, об истории Вашей организации.**

— Оренбургское региональное отделение «Союза российских писателей» было создано в 1991 году, а официально зарегистрировано в 1994. У истоков создания нашей организации стояли прозаик Анатолий Рыбин, историк и литературовед Леонид Большаков, прозаик Николай Струздюмов. Позднее в состав организации влились такие литераторы, как прозаик Геннадий Головин, прозаики Иван Юлаев и Лев Бураков, поэты Вячеслав Моисеев и Иван Малов. Ныне же в ОРО «СРП» состоит 42 члена, среди которых не только литераторы Оренбуржья, но и жители Иваново, Уфы, Кракова и Баку. Двери нашей организации всегда широко открыты для талантливых творческих людей вне зависимости от местоположения, национальности и вероисповедания.

Оренбургское отделение СРП с 1998 года выпускает ежегодный альманах «Башня», в котором публикуются лучшие произведения оренбургских писателей, конечно, стихи, проза наших талантливых, хотя и не имеющих пока писательские билеты земляков. С 2012 года альманах «Башня» размещается на литературном портале «Читальный зал». С октября 2003 года выходят две книжные серии: «Автограф» — книги, которые знакомят читателей с еще не вышедшими произведениями зрелых оренбургских авторов, и серия «Новые имена» — стихи и проза молодых оренбуржцев в книжечках карманного формата. И этих книжек начинающих авторов вышло уже более 20. С 2004 года вновь проводится литературный конкурс «Оренбургский край — XXI век», победителям которого предоставляется возможность издать свои книги в сериях «Автограф» и «Новые имена». Ежемесячно областное отделение СРП проводит «Стихоборье» — поэтический турнир в игровой форме с награждением победителей памятными призами. Проводятся литературные вечера в Областном историко-краеведческом музее и Музее изобразительных искусств Оренбургской области, в Оренбургском Государственном и в Педагогическом университетах. В 2011 молодёжное литературное объединение «Молодые писатели Оренбурга» при Оренбургском региональном отделении СРП заняло III место на Межрегиональном фестивале литературных объединений «Глубина» в Челябинске.

Оренбургское региональное отделение «Союза российских писателей» совместно с Оренбургской областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской в 2012 году начало проведение цикла ежемесячных вечеров «Содружество национальных литератур». Проект будет способствовать дружбе и более глубокому узнаванию и пониманию национальных особенностей, традиций народов, проживающих в нашем общем доме — Оренбургской области. К сожалению, ушли из жизни члены нашей организации прозаик, фронтовой журналист Анатолий Рыбин, литературовед, историк Леонид Большаков, поэты Сергей Филатов и Виктор Арефьев, поэт Георгий Румянцев, детский писатель Валерий Левановский, прозаик, литературовед Лев Бураков.

— **Что ж, жизнь продолжается. И, конечно, Вы, вместе с коллегами, насколько мне известно и сегодня ведете активную работу...**

— Да, наше Оренбургское отделение СРП организует творческие встречи с читателями как в Оренбурге, так и за его пределами, презентации новых книг и номеров альманаха «Башня». Они проходят в читальном зале областной библиотеки имени Крупской, в литературной кофейне на улице 9-го Января. А в магазине «Мир книги» на улице Туркестанской у областного отделения СРП есть стеллаж, где можно найти практически все новые книги оренбургских писателей. Много занимается и молодыми литераторами.

В 2003–2011 годах начинающие прозаики и поэты Оренбуржья участвовали во Всероссийских и Международных совещаниях молодых писателей, организуемые Ассоциацией писателей Урала, коллективным членом которой является

Оренбургское отделение СРП. В сентябре 2007 года у нас в Оренбурге прошло областное совещание молодых писателей «Мы выросли в России!», где семинаром поэзии руководил известный критик Леонид Быков, а семинаром прозы — сопредседатель Союза российских писателей, председатель Екатеринбургского отделения СРП Арсен Титов. В совещании приняли участие 30 начинающих писателей со всех концов Оренбуржья. В ноябре 2008 года на средства гранта правительства Оренбургской области при поддержке регионального министерства культуры и комитета по делам молодежи проведено уже межрегиональное совещание молодых писателей — с участием 40 юных талантов из Оренбуржья, Екатеринбурга и Омска. Руководили семинарами, помимо оренбуржцев, сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала Александр Кердан, председатель правления Омской областной писательской организации Союза писателей России, секретарь СПР Валентина Ерофеева-Тверская.

— **Считается, что литературу того или иного региона определяют имена. Есть ли такие яркие имена в Вашей организации?**

— Мы гордимся прозаиками Николаем Струздюмовым, Геннадием Головиным, Иваном Юлаевым (лауреат премии «Оренбургская лира, премии им. С.Т. Аксакова»), Вячеславом Рыбкиным, Александром Климовым, Александром Чиненковым (лауреат премии имени П.И. Рычкова), Александром Гвозденко, поэтами Иваном Маловым (выпускник Литинститута имени Горького, лауреат премии имени П.И. Рычкова, лауреат «Золотого пера Руси»), Михаилом Резинкиным (лауреат Баховской премии), Юрием Селивёрстовым, Ольгой Смирновой, Сергеем Котельниковым, Алексеем Хальзуновым, Еленой Тарасенко, Дмитрием Кимом, Инной Игнатковой (лауреат премии имени П.И. Рычкова).

У нас немало лауреатов престижных литературных наград: прозаик Денис Рябцев (лауреат премии имени П.И. Рычкова), поэт, писатель, бард, заслуженный работник культуры России, лауреат премии «Оренбургская лира» Александр Аверьянов, поэт, переводчик Юрий Лифшиц (Орск), историк, литературовед Светлана Сорокина («лауреат премии им. С.Т. Аксакова»), поэт, прозаик, переводчик Вячеслав Моисеев (лауреат премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, лауреат премии имени П.И. Рычкова), поэт Виталий Молчанов (лауреат литературной премии журнала «Дети Ра» в 2011 году, лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции», призёр Всемирного фестиваля поэзии «Эмигрантская лира — 2012», лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелок», победитель IV международного поэтического конкурса имени С.И. Петрова, дипломант V международного конкурса памяти Владимира Добина, победитель литконкурса журнала «Лексикон», победитель литконкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези») и др.

НАШИ ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ...

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 7

За последние годы оренбуржцы — члены СРП публиковались в «толстых» журналах «Москва», «Урал», «Континент», «Дети Ра», «Юность», «Зинзивер», «День и Ночь», «Русское литературное эхо», в альманахах «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Врата Сибири» (Тюмень), «ЛитЭра» (Москва), «Аргмак» (Казань), а со смоленским альманахом «Под часами» оренбуржцы обменялись публикациями.

— **Многие завидуют Оренбургским писателям — у вас свой Дом. Он активно работает, служит центром объединения творческих сил области. Как строятся ваши отношения с соседями по Домуписателей, с Оренбургской областной организацией Союза писателей России?**

— У нас ровные, добрососедские отношения. Мы радуемся успехам наших коллег из Союза писателей России, они, смею надеяться, в свою очередь радуются нашим достижениям. Думаю, так будет и впредь. Все мы живём в России, в Оренбургской области, и делаем одно большое общее дело — пишем стихи и прозу на русском языке.

— **Что Вашей организации дало вступление в Ассоциацию писателей Урала? Не считаете ли Вы подобное образование «ненужной надстройкой над областными организациями», ведь одно время у отдельных ваших коллег бывало и такое мнение?**

— Вступление в Ассоциацию в своё время дало нам возможность войти в большое литературное пространство России, преодолеть косность местечковой привязанности. Мы узнали мир, а мир узнал нас. К тому же, проводимые Ассоциацией семинары-совещания «Мы выросли в России» оказали неоценимую помощь и поддержку нашим молодым авторам — будущей смене ОРО «СРП». Вот такая вот «ненужная надстройка», как оказалось. Но я считаю, что Ассоциации ни в коем случае нельзя стоять на месте, необходим новый яркий проект — организация своего Уральского фестиваля литературы и искусства.

— **Во многом деятельность организации бывает успешной, когда удаётся наладить контакт с органами власти, со СМИ... Как дело обстоит у Вас?**

— Не покривлю душой, сказав, что наша нынешняя власть — Губернатор Оренбургской области Юрий Александрович Берг и Министр культуры Оренбургской области Виктор Александрович Шориков очень много делают для развития нашей литературы. Выступления авторов-оренбуржцев проходят в шикарных залах библиотек, музеев, театров. Оказывается значительная финансовая помощь ветеранов пера, молодым дарованиям. Выплачиваются премии, оплачиваются творческие командировки, поездки на литературные фестивали в другие города и страны. На книгоиздание затрачиваются значительные суммы. Так в этом году наша организация получила субсидию в рамках реализации целевой программы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Оренбургской области», и теперь у членов нашей организации есть новые книги, с которыми не стыдно и на книжных

ярмарках поучаствовать. И главное — у нас есть Дом литераторов — приют всех пишущих душ, что, согласитесь, крайне важно.

Словом, со СМИ у нас всё в полном ажуре. Кстати, не только с местными, но и с федеральными. Они любят нас, мы любим их. Такой вот полезный тандем. Особую благодарность хочу выразить Вячеславу Геннадьевичу Моисееву — крёстному отцу нашей организации и по совместительству главному редактору газеты «Оренбургская неделя», а также замечательному человеку, другу ОРО «СРП», Евгению Викторовичу Степанову за постоянное освещение на страницах своих изданий (газет «Литературные известия», «Поэтоград», журнала «Дети Ра» и портале «Читальный зал»). Большое спасибо и низкий поклон Павлу Георгиевичу Рыкову, Дмитрию Евгеньевичу Рябцеву, Аркадию Михайловичу Процину — нашим дорогим труженикам телевидения и радио.

— **На конференции будет обсуждаться вопрос о роли писателя в истории Отечества. Как Вы полагаете, не является ли сегодня такая постановка вопроса своего рода самообманом? Что может сделать писатель в современном обществе, влияет ли он на исторические процессы?**

— «Поэт в России — больше, чем поэт», — этими бессмертными строками Евгения Александровича Евтушенко всё сказано на годы вперёд. На X Волошинском фестивале в Коктебеле Евгений Степанов взял интервью у Евгения Бунимовича. «Мы супердержава в поэзии», — эти слова поэта запомнились мне навсегда.

— **Виталий Митрофанович, в конце разговора, хотелось бы побольше узнать о Вас самом, о Ваших творческих планах.**

— 24 сентября нынешнего года мне исполнилось 45 лет. Эта дата в моей жизни была ознаменована выходом новой книги стихов «В конверте неба» (издательство «Вест-Консалтинг»), авторскими вечерами в Оренбурге и Москве, а также я в конце лета завоевал приз и диплом на международном литературном конкурсе Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира-2012» в Бельгии. Ещё мы провели совместно с Вячеславом Геннадьевичем Моисеевым вечер оренбургской поэзии на X Волошинском фестивале в Коктебеле, что само по себе для нашей организации ново и уникально. Книга «В конверте неба», в которую вошли стихи последних трёх лет, была названа столичной газетой «Поэтоград» одной из лучших книг недели, заняв почетное место в рубрике «Пьедестал».

Сейчас для меня главное писать стихи, что для поэта вполне естественно, и реализовать проект нашей организации «Провинция в провинции», направленный на оказание творческой поддержки писателям и поэтам глубинки Оренбуржья. Да, чуть не забыл. После бельгийского выступления меня пригласили наши английские собратья по перу — члены литературного клуба Лондона, провести у них в Туманном Альбионе свой вечер и мастер-класс. Неплохо бы было воспользоваться этим предложением.

Беседовала Анна АРЕФЬЕВА

Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Понимая Вашу предельную занятость, масштаб и сложность решаемых государственных задач, участники VIII Международных Ильинских научно-богословских Чтений «Духовно-нравственный путь развития России» сочли необходимым выразить Вам искреннюю признательность за неоценимую помощь по возвращению на Родину после трагического прерыва и забвения имени, творческого наследия и самого праха Ивана Александровича Ильина.

На Чтениях было обращено внимание на уникальный факт в истории России. Дважды главы Российского государства кардинально влияли на судьбу Ивана Александровича Ильина. Первый раз в начале XX века Владимир Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР, санкционировал прижизненное изгнание и эмиграцию мыслителя. Второй раз в начале XXI века Вы, как Президент Российской Федерации, содействовали посмертной репатриации мыслителя. Восторжествовала историческая справедливость. И.А. Ильин занял свое достойное место среди выдающихся национальных мыслителей России. 24 мая 2009 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил надгробия Антона Деникина, Ивана Ильина и Ивана Шмелева на кладбище Донского монастыря, которые установлены на Ваши личные средства.

Центральным моментом прошедших в Екатеринбурге Чтений 14–15 июня сего года при большом стечении народа стало торжественное открытие в Екатеринбурге первого в России памятника Ивану Александровичу Ильину. И.А. Ильин принадлежит к категории мыслителей, по-настоящему избранных. Он гармонично соединил в себе духовный огонь православия, чувство слова А.С. Пушкина, провидчество и совестливое понимание Ф.М. Достоевского, волевое начало А.В. Суворова, государственный ум П.А. Столыпина и логическую мощь Гегеля. Соединил в мелодию «поющего сердца», в ясное до «духовной очевидности» умозрение самых главных предметов. Наши Чтения носят название Ильинских. Славное имя великого сына России Ивана Александровича Ильина, его творческое наследие и продуманные заветы с полным основанием и по праву занимают особое место в нашей духовной сокровищнице. Они единят все нравственно здоровые силы России духовным, социальным и общегражданским согласием в верности духовно-нравственного исторического пути народа. Наши Чтения — и научные, и богословские. Необходимость такого синтеза диктуется пониманием человека как духовно-нравственного существа. Взор с вершины блокирует тупики редуционизма и снимает ценностно-смысловую слепоту в подходе к человеку. С позиций вертикали «божественное — духовное — социальное — природное» ясным становится понимание удельного веса основных компонентов бытия человека в постановке и решении узловых вопросов социально-экономического развития российского общества, образования и воспитания молодежи. Если у человека нет идеалов, которыми он вдохновляется и высоких целей, которыми он руководствуется, то он неминуемо скатывается по сотне дорожек, одинаково для него гибельных.

Творческое наследие Ивана Ильина все более органично входит в идейно-смысловое поле мысли и дел главы Российского государства. Ваше неоднократно обращение к заветам И.А. Ильина свидетельствует о признании его как выдающегося национального мыслителя России. В 2005 году накануне возвращения праха И.А. Ильина на родину в послании к Федеральному Собранию Российской Федерации, рассматривая положение в стране и основные направления внутренней и внешней политики государства, Вы сочли необходимым и актуальным обратиться к творческому наследию мыслителя, определить масштаб его личности и установить его научный статус. «Государственная власть, — писал великий русский философ Иван Ильин, — имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая человеку. И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный, повседневный быт и без крайней необходимости стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей». Давайте не будем забывать об этом».

В цикле предвыборных статей 2012 года, в частности, в статье «Россия: национальный вопрос», размышляя о России как многонациональном государстве Вами подчеркнут его принципиальный вывод: «Именно об этом особом характере русской государственности писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство».

Участники Чтений единодушно высказались за увековечение памяти Ивана Александровича Ильина: широкую популяризацию творческого и жизненного пути Ильина в средствах массовой информации; введение основ его учения в образовательное пространство средней и высшей школы; переименование переулка Центрального рынка, где находится Уральский институт бизнеса, в улицу Ивана Ильина; установление премии РАН имени И.А. Ильина; присвоение одной из библиотек его имени и ряда других практических рекомендаций. Участники Чтений от всего сердца желают Вам, Владимир Владимирович, крепкого здоровья и больших успехов на необъятном поле Вашего неустанного служения России. Скажем словами гражданской молитвы Ивана Ильина, выбитой у подножия его памятника: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, от крестьянина до ученого, от министра до трубочника, — я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; не «маммоне» и не начальству, не личной похоти, и не партии, не карьере и не просто работодателю, — но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед лицом Божиим».

Вадим ОСИПОВ

Город на песке

Мы продолжаем серию путевых заметок писателей — членов АСПУР, начатую Юрием Брилем под рубрикой «Записки вольного путешественника». Сегодня вниманию наших читателей предлагается рассказ екатеринбургского поэта и фотохудожника Вадима Осипова, побывавшего в Германии.

Городок Ораниенбург расположен всего в 30 километрах от большого Берлина. Короткий полет по автобану (скорость!), потом съезд на второстепенную дорогу. И вот она словно вязнет в массиве лиственных лесов, вплотную подступающих к асфальту. Мелькает мост через реку Хавел, неширокую, но глубокую и судоходную, как и многие реки в Германии, больше похожую на канал. Деревья, зелень... Мы в парке? Нет, уже в городе.

Это территория бывшей ГДР. Нарядные четырехэтажки, раскрашенные в яркие желтые, красные, оранжевые оттенки — всего лишь реконструированные местные аналоги «хрущевки» советских времен. Вот они, еще ждущие своей очереди: серые панели, плохо заделанные трещины и швы, откуда, говорят, ощутимо дует. Но реконструкция ведется с немецкой педантичностью: жильцов из одной отдельно взятой квартиры выселяют ровно на две недели, за которые перестраивают фасад, расширяют балконы, превращая их в уютные лоджии, меняют все трубы (вода отключается в доме всего на два часа, потому что новые трубопроводы прокладывают не вместо старых, а параллельно им). Все пространство стройплощадки — пять метров от стены, а дальше сетка ограждения и идеальная чистота. К дому пристраивают наружные лифты в прозрачных коробках из красного стекла, и получается рай для пенсионеров.

О прошлом напоминает и бывший офицерский городок Группы советских войск в Германии, перестраиваемый в социальное жилье, и пустырь на месте базирования вертолетного полка, и много еще что напоминает...

После объединения Германии, когда пала берлинская стена, вступили в действие законы капитализма: запад решил, что восточные конкуренты ему вовсе ни к чему, предприятия на территории бывшей ГДР были тихо, что называется, положены набок, оборудование демонтировано, а жители в поисках работы стали мигрировать по Германии кто куда. Поэтому в Ораниенбурге вы не найдете промышленности, зато порядочно пустующих площадок. Кроме того, по этим местам беспощадно прошла Вторая мировая война, и поэтому практически все достопримечательности, тщательно восстановленные из руин, новоделы.

Здесь есть церковь, на колокольню которой можно подняться, если бросить монетку в два евро в щель автомата с вертушкой (такие в Германии стоят в общественных туалетах) и вскарабкаться по крутящимся деревянным лестницам мимо позеленевших колоколов. Правда, виду сверху мешает металлическая сетка, которой забраны оконные проемы.

Можно посмотреть на статую местной королевы у ее дворца, который в плане похож на букву «П» с одной оторванной ножкой. Эта «ножка», а точнее, крыло дворца, была разрушена взрывом, устроенным знаменитым химиком Рунге (1794–1867), объемный

барельеф которого красуется на стене старой ораниенбургской гимназии. Рунге во дворце экспериментировал со взрывчаткой. А вообще прославился как открыватель многих полезных вещей: хинина из коры хинного дерева и действия атропина на глазной зрачок, выделил кофеин и, поняв, как изготавливать анилиновые краски, написал трехтомную монографию о химии красителей; предложил применять хлор для дезинфекции, был директором местного химического завода.

Взрывчатые вещества вообще самым серьезным образом вмешались в новую историю Ораниенбурга. Под городом залегают радиоактивные ториевые пески, которые рассматривались как сырье для атомной промышленности. Там же, где-то под землей, Гитлер приказал построить секретные военные заводы, до сих пор окутанные атмосферой тайны. Американцы узнали об этом в конце войны и буквально засыпали городок дождем тяжелых бомб, среди которых преобладали бетонобойные, призванные разрушить подземные бункеры. Но беда в том, что Ораниенбург в буквальном смысле представляет собой город на песке: почва здесь — чистейший песок, который уходит вглубь на многие метры.

В этом легко было убедиться на улочке, где меняли какие-то трубы: больше всего она напоминала гигантскую песочницу с великанскими игрушечными экскаваторами.

Поэтому варварские ковровые бомбардировки привели к неожиданному результату: из 20 000 бомб около 7000 не взорвались, так как были рассчитаны на удар по бетону, а не на погружение в песок. Работа по обезвреживанию этих бомб идет до сих пор полным ходом: через каждые полтора метра в шахматном порядке на всей площади города (!) бурятся скважины, в которые опускают сначала сопла для размыва песка, а затем приборы для поиска бомб. Бомбы находят всюду: на улицах, дворах, на берегах реки и даже под частными домами, которые после этого так просто уже не продать, а надо частично разбирать для

разминирования. Следы от скважин испещрили асфальт вокруг школы, улицы, дорожки. Глава города — бургомистер жалуется на то, что средства на поиск и обезвреживание бомб идут из местного бюджета, и это сдерживает развитие муниципалитета.

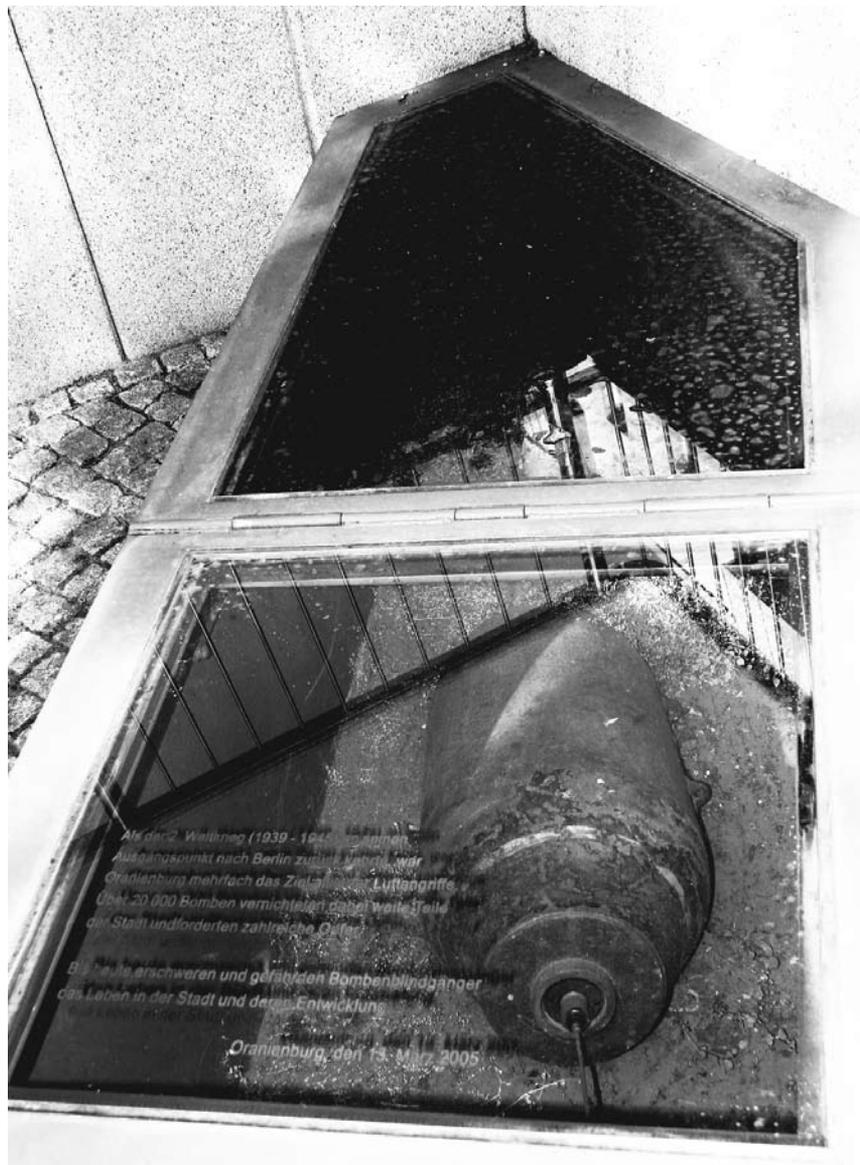
Кликвидации найденных боеприпасов немцы подходят так же педантично, как к реконструкции «хрущевки»: объявляется эвакуация жителей соответствующего района, откуда на день выселяют абсолютно всех, включая стариков и больных. По улицам проезжает машина с тепловыми детекторами на тот случай, если кто-то решит схитрить и отсидеться дома: штраф в 2000 евро такому хитрецу малым не покажется. Бомбы вывозят из города, но были случаи, когда их приходилось подрывать на месте.

На центральной улице можно увидеть специальную витрину, сквозь стекло которой под землей видна огромная неразорвавшаяся, но уже обезвреженная бомба.

Поездив по городам Германии, начинаешь улавливать особенности их уклада. Берлин, который до сих пор несет отпечаток времен холодной войны, и сам холодноват и эклектичен. Южный Штутгарт с трех сторон окружают горы, пронизанные тоннелями. Улицы его круты, он деловит и многолюден, но исторический центр, опять-таки уничтоженный союзниками в конце войны, воссоздан, что называется, с размахом. А центр Нюрнберга как был, так и остался по духу купеческим, торговым, с огромными соборами, которые местная средневековая знать перестраивала под собственные семейные нужды. Курортный Бад Кроцинген на крайнем юго-западе Германии — сонное царство, где на жаре дремлют аккуратные домики, увитые виноградом, и дорогу спросить не у кого.

А Ораниенебург — это царство велосипедистов. Здесь на велосипедах и школьники (большая велостоянка у входа в начальную школу), и молодые люди, и солидные фрау, которые крутят педали, невзирая на возраст и седину. Почти на всех велосипедах — удобные багажные корзинки спереди и сзади, так что на них едут в магазин, на работу, еще куда-то с самым независимым и оптимистичным видом. Правда, местные жители сетуют на то, что велосипеды стали воровать с тех пор, как к Евросоюзу присоединились некоторые бывшие страны Восточной Европы...

Всюду проложено множество велосипедных дорожек, по которым пешеходам ходить не рекомендуется, а если

Вадим ОСИПОВ

Город на песке

⇒ Окончание. Начало на стр. 9

велосипедист обгоняет пешехода на общей территории, то сначала посылает, а потом обязательно поблагодарит: «Данке!»

Прекрасные парки с огромными старыми деревьями, увитыми плющом. Кстати, на каждом дереве прибит жестяной инвентарный номерок, есть ответственный за его состояние. А значит, есть и с кого спросить. Симпатичные катера у речных причалов. По реке плавают утки и даже белый лебедь. Греческий, итальянский, китайский ресторанчики. Даже кладбище больше похоже на красивый и ухоженный парк, чем на юдоль скорби.

Эту идиллию омрачает одно обстоятельство: буквально в километре от центра города, где с памятником королеве соседствует памятник погибшим в годы войны евреям, находится музей на месте крупнейшего нацистского концентрационного лагеря — Заксенхаузена. Его создатель Гиммлер возглавлял в 1936 году полицию Берлина, и, говорят, ему нравилось, что все, как говорится, было под рукой. Вот только под которой? Ведь в то же самое время Берлин принимал у себя Олимпийские игры: «О, спорт! Ты — мир!»

Чтобы посетить Заксенхаузен, надо собраться с духом. Здесь в 1936-1945

годах было умерщвлено различными способами 100 000 человек. Всего через лагерь прошло около 250 000 заключенных, но точных цифр нет, поскольку документы были уничтожены нацистами, а часть людей убивали безо всякой регистрации. В апреле 1945 года сюда вошли советские войска, но основная часть узников, около 30 000, была отправлена чуть раньше так называемым «маршем смерти» на север, к морю, где их предполагалось посадить на баржи и затопить. Оставшихся в живых в ходе этого форсированного марша также освободили советские войска. А в 1945–1950 гг. на территории Заксенхаузена располагался специальный лагерь НКВД №7, затем №1, где содержались нацистские преступники и коллаборационисты (около 12 000 из них здесь и умерли).

Поэтому земля Заксенхаузена пропитана смертью.

Кроме собственно лагеря, на огромной территории находилось также управление всеми лагерями нацистской Германии, а также учебный центр для охранников-эсэсовцев. В Заксенхаузене отработывались методы уничтожения людей в массовых масштабах, которые затем «внедрялись» в других лагерях, здесь были и газовые камеры, и виселицы, и крематорий.

О Заксенхаузене написано достаточно много, сохранились и воспоминания людей, прошедших через этот ад, и большое количество документов, связанных с преступлениями нацистов. Но, наверное, у каждого, кто проходит сегодня сквозь ворота концлагеря с печально знаменитой надписью «Arbeit macht frei» («Труд делает свободным») на железной решетке, возникает свое ощущение от этого места.

Для меня это было прежде всего ощущение огромного пустого пространства. Прямо перед входными воротами находится аппель-плац, место для построений и перекличек. Одновременно в лагере содержалось до 60 000 заключенных, причем советские военнопленные — отдельно. От расположенных веерными рядами барачных на земле оставлены прямоугольные и оконтуренные гранитным бордюром с номерами и названиями строений. Расположение барачных не случайно: так можно было простреливать все промежутки между ними со сторожевых башен, где стояли пулеметы.

Вокруг плаца идет какая-то странная мощеная дорога: странная потому, что камни на ней уложены словно нарочито неровно, с выступающими краями. По этой дороге нацисты гоняли узников с тяжелыми ранцами, набитыми песком (до 20–30 кг), заставляя их испытывать образцы обуви, предназначенной для солдат вермахта. Несчастные должны были проходить в день по 40 километров, и ясно, что надолго их не хватало. Нередко обувь специально подбирали на размер меньше...

Здесь же стоит огромный каменный каток, в который впрягали заключенных и укатывали им территорию. Лагерь был окружен проволокой под током, специально оставлена секция с проводами на изоляторах вдоль стены.

Из барачных сохранились немногие. Медицинские барачки, где отработывали методику убийства с помощью отравляющих газов — и здесь же врачи-заключенные спасали жизни, делая запрещенные нацистами операции. Под видом медосмотра прибывших убивали на ростомере выстрелом в затылок. Только во время одной «русской акции» так было одновременно убито 18 000 советских военнопленных. Исполнители получили премии и отпуск в Италию.

Лагерная кухня, расписанная по стенам веселенькими картинками из жизни овощей.

Небольшой барак-музей с предметами-экспонатами и фотографиями. Трехэтажные нары. Станок для порки. Рваные гимнастерки. Огромная

фотография: эсэсовские офицеры, смеясь, издеваются над узником, стоящим на коленях.

И при этом поражает порядок, чистота, аккуратность во всем, как будто находишься не в лагере смерти, а да простится мне это сравнение, в пионерском лагере. И, пожалуй, самое страшное здесь — вот этот обыденный чистенький уклад смерти, который просматривается и на документальных снимках военных лет.

Советские военнопленные содержались, как я уже сказал, отдельно. Именно в этой части лагеря сохранились остатки печей крематория с металлическими носилками для трупов и траншея для казней и экзекуций, где расстреливали, удушали, растягивая на механической виселице, и забивали насмерть.

На стене траншеи, облицованной гранитом, установлены мемориальные доски в память погибших здесь людей из разных стран. Но, честное слово, узнав про то, сколько людей погибло в лагере, с трудом воспринимаешь цифры на этих досках: в память 60 советских офицеров, 13 люксембургцев, 100 нидерландцев... Конечно, никто не забыт и ничто не забыто. Но мне почудился за этими, более чем скромными, цифрами какой-то неприятный умысел.

Впечатляют установленные прямо на земле увеличенные портреты советских военнопленных 1941 года, сделанные по приказу нацистов чешским узником-фотографом, который впоследствии уцелел во время «марша смерти».

В центре лагерной пустоты растут огромные деревья и установлен памятник жертвам нацизма с фигурами и высокой-высокой стелой... Когда подходишь к нему вплотную, он впечатляет. А когда отходишь к стене, окружавшей лагерь, фигуры теряются в пространстве и кажутся одними из тех несчастных, которые здесь жили, болели, впадали в отчаяние, боролись, поддерживали друг друга и умирали в мучениях.

После Заксенхаузена нам потребовался целый день, чтобы прийти в себя. Нужно было уезжать, а назавтра в городе объявили очередную эвакуацию. Уже дома мы узнали по телефону, что она продолжалась с утра и до позднего вечера. И только к ночи Оранжевый город, названный когда-то в честь голландской принцессы Оранской, вернулся к нормальной жизни. А на его асфальте добавилась еще одна отметина от обезвреженной бомбы.

Фото автора

Матросовский характер «Сороковки»

Совсем недавно у меня в руках оказался сигнальный экземпляр книги «След 1957 года». Большинство авторов этой книги — люди, отдавшие комбинату лучшие годы своей жизни в самое сложное для него время, когда на трудности становления первенца атомной промышленности накладывались трудности ликвидации произошедшей на нём аварии планетарного масштаба.

Когда я открыл её на первой попавшейся странице, то увидел фотографию Зуфара Тухватовича Шарипова, работавшего на «Маяке» с 1953 года. Я сразу узнал его по исключительно доброй и светлой улыбке. Мы оба работали дозиметристами в особо вредных и спецвредных цехах. Из книги узнал, что он здравствует, и несказанно обрадовался этому. Ведь работать он начал намного раньше меня. У него уже тогда были скрученные от радиации пальцы рук (примерно такие же, как у И.В. Курчатова).

Разыскав телефон Зуфара Тухватовича, я поздравил его с днем рождения нашего комбината. Наш разговор вселил в меня надежду, что и у меня, может быть, есть шанс ещё несколько лет пожить на белом свете.

В связи с ослаблением режима секретности в последнее время в открытой печати стали появляться книги атомщиков и книги об атомщиках. Их авторы, как правило, профессиональные журналисты или заслуженные люди, занимавшие очень высокие должности, кавалеры высших правительственных наград, лауреаты самых престижных премий. Книги атомщиков, не смотря на состояние их здоровья, пронизаны чувством благодарности судьбе за то, что они оказались в нужное время на нужном месте, а также чувством гордости за то, что они сделали для обеспечения обороноспособности нашей Родины.

Конечно, труд атомщиков щедро вознаграждался. Думаю, что в Советском Союзе было немного предприятий, где численность кавалеров правительственных наград была бы больше, чем у нас. Были и материальные поощрения. Работникам основного производства были предоставлены такие привилегии и льготы (теперь это называется соцпакетом), которые подавляющему большинству советских людей не могли принести даже в самом романтическом сне.

Но это была плата, по существу, за жизнь. Когда я впервые пришёл на химико-металлургический завод, то увидел некролог по поводу смерти заместителя главного инженера предприятия и был потрясён не только количеством его наград: кроме ордена Ленина, он имел ещё четыре (!) ордена Трудового Красного Знамени, но и его возрастом — всего 43 года! Невольно напрашивался вопрос: сколько бы ещё смог сделать для страны этот, умерший от лучевой болезни, инженер?

«Гениальные вы невидимки», — так сказал о таких людях советский поэт Роберт Рождественский.

Владимир КОРОВИН,
ветеран атомной промышленности СССР, член Союза писателей России, г. Снежинск Челябинской области

ВЫСОКИЙ СЛЕД ОБЛАКОВ

*Муза! Как ни грусти. Не сетуй,
А вывод мой, к сожаленью таков:
Среди миллионов, читающих газету,
Десять десятых не читает стихов.*

И. Сельвинский

Соглашаясь с Ильёй Сельвинским, могу посоветовать на субъективные и объективные причины «нечитаемости» (и не только стихов) в наше время. Одна из них — отсутствие качественной, т.е. профессиональной современной литературы на полках магазинов и библиотек. То, что мы все со школьной скамьи, а то и ранее, овладеваем грамотой, зачастую создаёт ложное представление о простоте писательского дела. Вот и начинают все, кому не лень, писать да издаваться. Сегодня это довольно несложно: как говорится, лишь бы денежки были. И получается — число книг растёт, а хорошая литература до читателя практически не доходит: поскольку напрочь уничтожена система государственного распространения художественной литературы, а тиражи у серьёзных книг очень маленькие. Раздаривают нынешние писатели книги друг другу, и многие истинно талантливые произведения попросту остаются неизвестными их современникам.

Я хочу поведать о замечательном художнике слова, живущем в Кузбассе. Искушенным читателям и коллегам его имя давно известно. Это — Сергей Донбай. Юбилейный для него год был ознаменован выходом в Москве новой, десятой по счёту, книги стихотворений «Посредине России». Книга издана в престижной серии «Библиотека современной русской поэзии» (Сергей Донбай. *Посредине России. Стихотворения, М.: Росийский писатель, 2011. — 288 с.*) Редактором книги и автором вступительной статьи выступил Станислав Юрьевич Куняев. Уже одно это заставляет взять в руки и, если не прочитать, то хотя бы с уважением полистать книгу.

Впрочем, просто полистать не получается, потому, как с первых страниц с головой уходишь в поэтические строфы. Радуетесь и негодуёте, возмущаетесь

АВТОРА!

Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская живет и работает в Омске. Автор нескольких книг стихов для взрослых и детей. Лауреат всероссийских литературных премий имени Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Ершова. Председатель Омской областной организации Союза писателей России.

и затихаешь, горячишься и смеешься, поддаваясь их обаянию.

Трогательно и неподдельно живописует наш мир Сергей Донбай. Мне казалась, что я довольно неплохо знаю творчество своего земляка по его многочисленным подборкам в российских журналах, по прежним книгам и антологиям. Неоднократно слышала, как он сам проникновенно читает свои стихи, чуть подаваясь корпусом вперёд, как бы ещё доверительнее излагая слушателям всё то, о чём хочет поведать. Ан, нет, оказывается, знаю, да не совсем! И поэтою читала новую книгу, удивляясь и радуясь, как будто вновь открывшемуся мне художественному дару:

*Космос —
Это родина творчества:
Там слышно, как
Звезда с звездюю говорит,
И прохожий
Вдруг посмотрит на тебя,
Как шестикрылый серафим
(«Космос»).*

Каждому новорожденному даруется душа. Как на протяжении земной жизни он ею распорядится — личная воля каждого. Но творчество, литература является неким камертоном человеческой судьбы. Камертон Сергея Донбая — настоящий эталон глубокого и доброго отношения к окружающей жизни.

*Весенний воздух, наизусть
Заученный, почем снова,
И вырывается из уст
С улыбкой сказанное слово!
Освобожденная вода —
Усилие света и прохлады!
И не осознаны тогда
С улыбкой брошенные взгляды.
Широк распах воротника!
Как мысли связанные с небом,
Над головою облака
Торопятся высоким следом.
(«Весенний воздух, наизусть»)*

Сергей Донбай не только делится с читателем неподдельными и искренними чувствами, но и побуждает всех, кто читает его стихи, быть неравнодушными и сопереживать. Не покидает светлое удивление оттого, с какой доверчивостью поэт выпускает всех нас в мир своей души, в мир, где нет места обидам, в мир, который позволит задуматься, порассуждать вместе с автором о природе вещей и чувств. Сергей Донбай,

словно берёт читателя за руку в самом начале книги. И ты, уже не отнимая своей ладони, идёшь вместе с автором от страницы к странице. Идёшь, получая удовольствие от того, что с тобой делятся чем-то очень сокровенным, от того, что соприкасаешься с настоящей поэзией!

В стихах Донбая нет заносчивости, вычурности, шероховатости. Он по-хорошему традиционен, черпает образность из повседневности, показывает действительность таковой, какой она является. Но делает это так искусно, как способен только настоящий мастер. Лаконизм всегда считался в поэзии самой высокой пробой. В новой книге опубликованы двустушия. Они по-настоящему философичны, проникновенны и глубоки.

Верность поэтической традиции русской классики только подчёркивает степень одарённости, широту взглядов поэта, его сопричастность ко всему, что его окружает:

*Сталь разливает Запсиб из ковша.
Красной болванкой грохочет.
Кажется, где же здесь может душа
Быть?.. Да она не захочет!..
Швеллер остывший*

погладит ладонь:

*Кажется, он умирает...
Наши не вечные лица огонь
Смыслом иным озаряет.
Старый товарищ, вальцовщик, поэт,
Слышишь, ты должен быть рядом!
Одушевляется огненный свет
Под человеческим взглядом.
Смена ночная пылает лицом —
Жарят земные стожары!
Выйди из цеха, чтоб,
словно в ночном,
Звёзды лицо остужали.
(«Огонь»)*

Или:

*Он кинул в небо пустельгу.
Иголку отыскал в стогу.
Присвистнул ветром.
Он тьмой и светом
По рукоять омыл строку
И служит в «Слове о полку»...
Высоким следом.
(«Он кинул в небо пустельгу»)*

Нет в строках Донбая занудности, морализаторства. Нет размытости. Есть то, что хочется оставить в памяти, выучить наизусть, чем хочется поделиться с другими. Такие стихи, как «У колоколенки нашей наледь, скользкая вода...», «Нравится девочка в красных колготках...», «Из варяг в греки» или «Новая русская сказка» говорят об умении автора пошутить, не зло поиронизировать над самим собой, и, вместе с тем, порассуждать о поднятой проблеме.

Всегда самоценны для пишущего человека искренность, подлинность ощущений, облечённых в нужную форму. Подлинное искусство — находить новые формы, не утратить накопленного, не изменить традиции. Удаётся это автору? Да, удаётся! Бережное отношение к слову, любовь и гордость за свой край, присущи творчеству Сергея Донбая. Часто его стихи становятся строгими, тропы — экономичными и точными. Пример тому: «Перед тобою на коленях...», «Кто же нам разменял незаметно / Совершенство любви — на рубли...», «Смута», «Кремль»... Такие откровения случаются только в минуты душевной боли, когда автор всем своим существом переживает жизненные неурядицы страны, когда крик души рвётся наружу:

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 12 ➔

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 11

*Родные леса отдыхают в мороз.
В них тихо, легко и свободно.
Дубравам, кедровникам,
рощам берёз*

*Молчание это угодно.
Мы долго молчали и вместе, и врозь,
Отчаянно и всенародно.
И столько молчания в нас набралось,
Что сделалось крику подобно.
И стали кричать мы, казалось, легко:
Сплотимся! Даём обещанье!
Впервые на свете! Не зря полегло! —
Но крик стал похож на молчанье...
И стали роптать мы,*

*и ропщем, но суть
За прошлым стоит косогором...
Откуда и как нам теперь почерпнуть,
Чтоб ропоту стать разговором?
Не там ли, где лес отдыхает в мороз,
И незачем лишнее слово,
Где столько страданья
вокруг собралось,
Что речью быть нашей готово?*

(«Родные леса отдыхают в мороз»)

Лирические откровения поэта интересны неравнодушному читателю. Завораживают простота, та великая простота, которой не отталкивает, а притягивает. С такими стихами всегда уютно и не хочется расставаться.

Гармонией и мелодичностью строф, и, вместе с тем, разнообразием творческой палитры, Сергей Донбай, как мне кажется, обязан своим сибирским корням. Надёжность и чувство гражданской и жизненной ответственности, это — удел сибиряков, людей особой закалки, чистых помыслами и надёжных во всём. По всему творчеству Донбая красной нитью проходит трепетное отношение, сыновья неоглядная любовь к малой родине. Впрочем, она, его малая родина, простирается от Урала и до бескрайнего Севера. Богата наша Сибирь-матушка не только недрами, лесами да реками, а дарит она миру людей даровитых да преданных, смелых, весёлых, щедрых на дело да на слово доброе. Слово, которое и другу радостно сказать, которое светом Божиим пронизано:

*Перейти Россию вдоль —
Наша удаль да юдоль.
Ну, какая же Рассея
Без Сибири с Енисеем!
Эхом в слове Енисей —
То Есенин, то Сергей.
Ну, а что Россия в принципе —
Без Сибири, без провинции?
Это только география —
Без Овсянки и Астафьева.
Там напарились мы в бане,
Остудились в речке Мане,
Говорили с классиком,
Закусив карасиком.
Ну, какая же Рассея
От поллитры окосеет!..
(«У Астафьева»)*

Сергей Донбай умело сочетает тонкую лирику и юмор. Это, возможно, и позволило ему сохранить чистоту поэтического голоса, обрести собственную интонацию. Его нравственной категорией и жизненной позицией является неразрывная связь истории России с судьбой самого поэта и гражданина. Книга «Посредине России» является лучшим доказательством того, что его творчество на подъёме, что все мы, читатели, ещё долгие годы будем искать и находить в его стихах «высокий след облаков»...

**Валентина ЕРОФЕЕВА -
ТВЕРСКАЯ**
(Омск)

Радость созиданья

Новая книга стихов Александра Кердана «Дом» продолжает линию магистральных тем поэта: Родина, Любовь, Творчество. Переплетаясь в композиционной структуре книги, они получают новое развитие и разрешение, новое поэтическое звучание. Открывая книгу, от стихотворения к стихотворению мы начинаем вместе с автором строить дом — из творческого и жизненного опыта, из близких нам размышлений о первоосновах жизни.

«Дом» из стихотворений — наверное, один из самых гармонических способов воссоздания объёмной картины мира. Если каждое стихотворение — это восприятие маленького фрагмента действительности, отражение его в душе автора, то дом, собранный из этих кирпичиков, строго говоря, и есть Миро-здание глазами поэта. Элементы этого мироздания логически и интуитивно укладываются каждый в свое место, и картина становится ясной, цельной. В ней мы без труда находим и свои драгоценные ощущения — узнаваемые, но уже порой почти утраченные в обыденности.

*Чтобы в итоге радость созиданья
На горькое бессмертье разменять,
Из «нулевого цикла» мирозданье,
Как Бог, играя, создаю опять...*

(«Малыш, которого не водят в ясли») Книга включает в себя три раздела: «Нулевой цикл» — «Этажи» — «Крыша». Начиная этот путь, мы еще не знаем, к чему придём. Есть только направление движения — вверх. Поэт исповедует те главные чувства, которые являются прочным фундаментом каждого индивидуального, личного мироздания: любовь к матери — к родной земле — творчество — любовь к женщине. Повторяя темы в каждом из разделов, с каждым новым уровнем строительства своего Миро-здания поэт переосмысливает их, и чувства поднимаются на новую высоту, не сменяя друг друга, а переходя одно в другое.

Энергия этого взлёта — любовь. Это основа жизни лирического героя.

*Не раззять и не отнять
Ощущение простое:
Можно снова*

*жизнь начать,
Но, наверное, не стоит...
(В день рожденья любимой)*

Каждому, наверное, знакомо и близко это чувство: пройден определённый путь, и, может быть, не всё в жизни устроилось так, как хотелось бы. Но слишком дорогой ценой досталась эта жизнь, слишком драгоценны её прозрения, чтобы отказываться от них и начинать с чистого листа. И от этой цены остаётся светлая память с неизменным привкусом горечи.

*От любви осталась
только память.
Только память,
горькая, как мед...
(«От любви осталась
только память»)*

*Наша память здесь
в веках хранится —
Светлая,
как вешние зарницы,
Горькая, как отчая земля.
(«Я люблю окраины
России»)*

Традиционно дом для каждого из нас — символ обживания земли, обоснования на ней, остановки в своем странствии, дом — величина постоянная. Но, как ни странно на первый взгляд, строительство такого материального, приземленного, конкретного объекта, как дом, не приводит поэта к статичности. Строительство миро-здания — действие, при котором — парадоксально! — чем больше делается, тем больше пространства для жизни и движения появляется. И естественно рождается ощущение высоты, полёта в лирическом пространстве книги, устремлённость лирического героя (и всего познанный — созданного им — мира) ввысь.

Вектор высоты проявляется во многих стихах «Дома», иногда он обозначается по принципу «от обратного» — и рождается ощущение открытого огромного пространства, в котором не то что дом человека — город видится малым существом, птицей.

*Еще не проснулся
осенний нахохленный город,
Присевший, как птица,
на скользкий, холодный гранит...
(«Сентябрь, словно лист, на иглу телебашни наколот»)*

С каждым новым этапом «строительства» пространство раскрывается, как веер. И в нём укрепляется чувство обжитости, защищённости, ведь дом, даже если он Миро-здание, — место, где всё ощущается как родное, близкое, светлое. Дом — приют, защита, крепость.

Устремлённость лирического героя в высоту построению своего дома-мира до небес напоминает о Вавилонской башне, однако в книге А. Б. Кердана эта аллюзия получает принципиально иное решение. Если строители башни ставили перед собой цель — сравняться с Богом, и двигала ими гордыня (за что они и были наказаны — потерей общего языка и утратой взаимопонимания), то поэт поднимается вверх с единственной целью — созидания, творчества, умножения гармонии. Им движет не желание

утвердить себя, а чувство творческого долга перед высшими силами, поручившими ему дар творчества. И именно это чувство поднимает в высоту безграничного неба.

*Ты вдруг остановился и притих,
Всем существом почуяв запах снега,
Разглядывая прозрачное небо,
Как будто стал ему равновелик.
(Художник)*

Если продолжить аналогию с библейской легендой, в книге наградой за созидание становится чувство единства с миром, возможность говорить на языках звёзд, стихий, зверей и растений. Таким образом, дом становится знаком-антиподом по отношению к Вавилонской башне.

Творчество — это верный путь к обжитой и светлой вечности, которую лирический герой инстинктивно ощущал ещё в юности.

*Я ощущал весь шар земной
Под звездным покрывалом...*

...

*Как будто замыкая круг,
Где я еще был вечен...*

(Взгляд)

Изначально, видимо, все мы приходим в мир с этим ощущением, но затем оно стирается в безжалостных буднях, и счастье, если оно проступает через труды и годы как знак высокой судьбы.

*Мы в бездну ныряем,
мы вечно живем,
Скитальцы, пророки, пииты...*

(«Хорошая, милая, вы не одна»)

Но потому небо и остаётся небом, что звёзды одновременно близки — и в то же время высоки и недоступны, и любое построенное человеком миро-здание, сколь бы высоко оно ни было, словно приподнимает небо над крышей, и всегда есть недостижимая высота, в которую можно вглядываться и стремиться бесконечно.

Сорвало ветром крышу дома,

либо

*Мою снесло в прозрачный час ночной:
Плывут Плеяды стайкой сонных рыбок
В аквариуме неба надо мной...*

(Полночь)

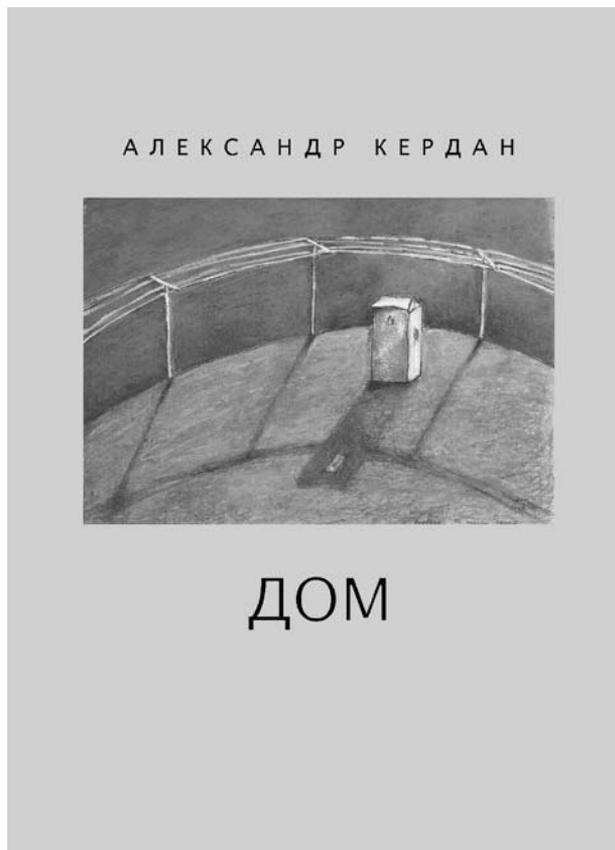
Необозримые просторы над головой всегда останутся постигаемыми, но непостижимыми и недостижимыми. Неслучайно часть книги, которую автор назвал «Крыша», открывается стихотворением «В стране безоблачных фантазий», где лирический герой вспоминает, как лазил с мальчишками по крышам. Ведь это были крыши уже построенных домов, а для нового поколения их высота — данность, от которой надо отталкиваться и стремиться ввысь.

Дом, Миро-здание, прочность его фундамента и высота стен — точно «приземлённая» метафора дела и судьбы (это ещё и к традиционному «Мужчина должен построить дом...»).

И сколь бы многоэтажным этот дом ни был — над ним всегда небо со звёздами, пространство для новых взлётов и новых уровней высоты.

Анастасия ПОРОШИНА
(Челябинск)

Александр Кердан. Дом: Стихотворения.
Екатеринбург: Изд-во «АСПУР»,
2012

Салим ФАТЫХОВ

ОТКРОВЕНИЯ В РИФМУ

АГИДЕЛЬ (река Белая)

Агидель, Агидель — белокрылая чайка!
Сказка вольных степей и лазоревых гор!
Я тебя полюбил ненароком, случайно,
Позабить не могу до сих пор,
до сих пор...

Где потух Сыростан? Где мечи Салавата?
Покажи мне река след лихих табунов!
Все, что будет потом,
все что будет когда-то —
В добром кладезе снов,
удивительных снов...

Как божественный дар
в плодородных долинах
Расцвели города моих братьев башкир.
О, мятежник-народ!
Всадник войска былинного —
Созидай и люби этот явленный мир!

Агидель, Агидель — белокрылая чайка!
На судьбу я не сетую.
В Зарафшанской степи
Словно птица живу. Только ты подскажи,
Подскажи, посоветуй —
как забыть мне твою
Синеву, синеву...

Айван в саду. И розы тоже.
Как из кадила запах дынный.
А там, у матери, калину
От стужи и ветров корезжит.

Ну, а зачем, зачем об этом?
Друзья мне вправду говорили:
Пьянеет сердце у поэта
И от цветов, и от полыни...

ОДИНОЧЕСТВО

Но комната пуста. Я здесь один —
Великий господин протёртых тапок.
И нет любви твоей. И слёз твоих.
И вздохов.
Лукавый Шолохов взирает со стены...
Мы с ним по вечерам толкуем сны,
И, только за окном утихнет грохот,

АВТОРА!

Салим Галимович Фатыхов родился в Магнитогорске в 1947 году. Много лет отдал государственной службе и журналистике. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и прозы, фундаментальных трудов по истории женщины. Доктор культурологии. Лауреат литературной премии «Урал промышленный, Урал полярный». Живет в Челябинске.

Года и песни делим на этапы,
Удачные отчитываем дни...
Конечно, всё не просто в этом мире,
Поэтому и рвемся в глубину,
Назад от потрясений и инфарктов.
Но в комнате — два с четвертью на пять,
Над книгами забытыми корпя,
Чтоб правду отыскать
в столетних фактах,
Я истину почувствовал одну!
Теперь она со мною неотступна,
Всегда жить в одиночестве —
преступно!

Иду в кино! В нем море дышит ровно,
В ночи влюбленных обогрел костер.
— Ах, сердце глупое,
ведь это всё условно:
Костер и ночь придумал режиссер...

О, как нежен этот дождь ночной!
Пасмурно в Ташкенте. Тихо. Сыро.
Кто-нибудь прочтет и скажет: «Было!»
Было с ним такое, как со мной.

Было это чувство новизны.
Пахнут тротуары, небо, окна.
Серая земля охотно мокнет
В радостном предчувствии весны.

О, как нежно шелестит по камню,
По газонам, памятникам, рельсам...
Это слезы древних земледельцев
Орошают щедро мою память...

НА ПОГОСТЕ

Я же знаю: все бы шло иначе.
Не уметь бы верить, не уметь...
Слышишь, рядом безутешно плачет
Насмерть перепуганная смерть.

Нас она ковыльным переливом
Сколько раз пыталась примирить!
Там, где полдень ткёт неторопливо
Золотую, трепетную нить...

Там к отцу уставшая березка
Слезы скрыв, который месяц льнёт.
Там уже не расцветают весны,
Там уже живет небытие...

БОЛЬ

Боль в душе у меня...
Который уж час,
Который уж день,
Который уж месяц!

И живет за грудиной,
Беснуется птахой
Больничая боль:
Что происходит,
Случилось, что?

На Родине, на далекой
Клубятся вихри...

Скажи попроще,
Без тумана.

Он ни к чему —
Словесный шик.
А коль не можешь,
Значит, рано:
Не говори и не пиши.

Пусть и в душевных
Откровениях,
И в откровениях листа
Присутствует,
Как озаренье,
Не показная простота.

Всё реже прозренья,
а, значит, и реже стихи.
И сердце на ощупь
бредёт по мгновеньям, не прямо.
Простуженный вечер
от гуда земного притих.
Но слово, увы, непослушно,
лениво, упрямо.

Знал я тихоню-юнца —
До переносицы чуб.
Он повторял без конца:
— Я никогда не умру!
Как это так, мол, зачем?
Не для того я рожден!
С детства умеренно ем,
В меру силен и умен...
То же твердил мне сосед,
Опохмелившись на рубль,
— Пью уже несколько лет,
Но никогда не умру...
Дочка, похожа на мать,
Тихо оставив игру,
Вдруг воспротивилась спать:
— Папа, а я не умру...?

МЕТРАНПАЖ

Евсеич любит «Беломор»,
Дым валит, как из мощных домен,
Короче, вешайте топор,
Когда верстают мастер номер.

Евсеич ласков и лукав,
Интеллигентен, между прочем.
Предательски дрожит рука,
Но в день вбивает тыщу строчек!

Вы, может, среди разных дел
Ещё в пеленках белых были,
Когда Евсеич тонны две
Свинцовой наглотался пыли.

Я написал о нём любя,
А не за звонкую монету.
...Шестнадцать строчек про себя
Евсеич заверстал в газету...

Дед был, в общем, лукавый, как все.
Знал на память священный Коран.
Говорил, что ходил в медресе:
«И тебе за молитвы пора...».

Я старался, конечно, как мог,
Заумь строф смаковал на губах.
Твердо знал, что посланник — пророк,
А пославший — великий Аллах!

Но однажды, прости меня дед,
Вместо темной арабской строки

Я по-русски прочел: «Бога нет,
Землю держит закон, а не кит!».

С той поры потускнел Божий лик,
Некудышным был дедов посев.
Заучил я две тысячи книг,
И поверил — священные все!

СТРАСТЬ

— Ну, что ты копаешься в этом старье? —
Вздыхнув, незлобиво сказала.
Шипело стоглавой утробой морен
Горбатое тело вокзала.

А я уезжал к полустанкам глухим,
К забытым кострищам,
к давнишним стоянкам,
Где зори, цветастые, как петухи,
Плескались над скалами ярко.

Приеду, огонь разведу у дубка,
Нарежу ломтями крупчатое сальце.
Здесь бурый гранит расписала рука
Сметливого неандертальца.

А вот и пещера. Пойду напрямиком,
Пусть хрумкает сланец колючий.
Под темными сводами думать легко
О прошлом и о грядущем.

Здесь тысячи лет полыхали костры,
И тысяча бед проносилось...
...Пришла электричка. Пронзительно ты
Опять на меня покосилась:

— Ну, что ты копаешься в этом старье?
К чему твое сердце магнитит?
Двадцатый уже завершается век,
А память твоя в мезолите...

— Ну, что ты, зачем? — и рукой повела...
Родная, прости меня дважды!
И к нашим жилищам, оставив дела,
Потомки приедут однажды...

НАТЮРМОРТ

Преломлены тени горбато.
Ты спишь в тишине, чуть дыша.
Прозрачные зерна граната
На скатерти белой лежат.

В них жаркое лето вместилось,
Костры растеряв на бегу.
Твоя незаметная сила
С рубиновым сумраком губ.

И я, как молитвенник, свято
(не дай Бог, какую беду!)
Прозрачные зерна граната
На синее блюдце кладу.

На синее блюдце... Напрасно
Бесчинствует в окнах заря.
Как долго, как тихо, как страстно
Рубины горят...

Ты в своей семье, как за границей.
Я в своей семье — за рубежом.
Сплетни — бессердечные убийцы —
Целят в нас отточенным ножом.

Так живем, разлуку угнетая,
Ненавидя деньги и уют.
Даже на минутное свидание
Мне с тобою визы не дают.

В этом году Салиму Галимовичу Фатыхову исполнилось 65 лет. Сердечно поздравляем его с юбилеем! Желаем здоровья, добра и высокого творчества.

Петр КРАСНОВ

Из романа «ЗАПОЛЬЕ»

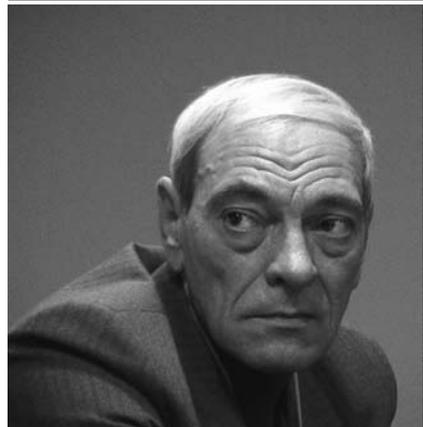
ПОЛЁТ

Полтора часа напряжённо и неутомимо работали турбины, под ними невидимая поворачивалась земля, ослепительно-снежной тундрой необозримой тянулись, длились в иллюминаторе далеко внизу облака, и чужая жёсткая синь здесь неподвижного, в себе уже мрак таящего неба в упор смотрела сверху; и было вроде покойно за этим всё на себя взявшим напряжённым гулом, будто в нём отсрочка какая была дадена, некая передышка, а что станет после, потом, того не мог знать никто.

Заложником ставший у машины и неба, приподнятый над собою, себя на эту затянувшуюся паузу полёта оставивший, он попытался было разглядеть себя со стороны и высоты, в какой раз примериться к себе, но ничего не увидел, кроме нестройного тумана с тёмным внутри, никак не ясным, — да, с вопросом в себе, и всё было теперь в этом вопросе. Перед ним отступали, стуживались все его непримиримости и несогласия с жизнью, замолкал в замешательстве даже страх, и по странной, по не людской логике почему-то необязательным или вовсе ненужным становилось всё, ради чего, собственно, и поставлен был сам этот вопрос. Он был сам по себе, он самодостаточным был, вопрос. Кто-то безжалостно сформулировал его, смонтировал в нём, живом, не спросив, сделал из него, живого, всего только носителя, некую функцию вопроса, и было это так хозяйски бесцеремонно с ним сделано, что возразить стало нечем. Будто сделали и сказали: так и ходи; и он ходил так и даже, заложник пустоты под собою, летел так и никак иначе, он сам стал частью этого вопроса, и всё теперь неумолимо и, кажется, безнадежно зависело лишь от того, решит ли он его и как решит. Или, скорей всего, решат другие, другое.

Во сне он видел родное, то, из чего с такой поспешной самонадеянностью и рвением вырвался вроде уже когда-то, высвободился — для жизни лучшей, казалось, куда более сущностной, чем то жалкое растительное прозябанье, какое

АВТОРА!

Родился в 1950 году в Оренбургской области. Известный русский писатель, автор многих книг прозы. Лауреат ряда всероссийских литературных премий, среди которых «Ясная Поляна», премий им. И.А. Бунина, Александра Невского, «Россия верные сыны» и др. Председатель Оренбургской областной организации Союза писателей России.

досталось ему в начале дней в злосчастной, изнасилованной начальствующими и войной деревне. Оно, родное, долго волочилось за ним, надоевшее, тащилось по отечественным хлябям, не обижаясь тем, как мелкодушно и жестоко страдал он, его и им стесняясь, как одно время презирал даже, дурачок, спроста поверив, что будет ему новый, до синевы выбритыми дядями обещанный вертоград души взамен этого разорённого старого, стоптанного угрюмыми временами и нравами палисадничка, — да, не обижалось, на то и родное было, чтоб всё понимать это, мелкое и жестокое, прощать. И как материнские, цепляющиеся до последнего руки, оставалось с ним, уже не гонимое, душу всё больше грея и горча разом, заставляя задумываться непривычно тяжело и пристрастно, а с некоторых неладных пор и прибежище давая и какую-то защиту ему, к черте сущего подведённому, — и вот оставило вдруг...

Оно ещё было с ним, когда взлетали в эту нелепую, неумную, пошлую до нытья в зубах пародию полёта — в пародию на свободу его, освобождённую от земли, от самого себя. Не покидало, когда он, решив хоть тут-то немного забыться, бродил уже по огромному смутному полю то ли будущего, то ли несбывшегося, пока искал там себя, собирал и уже целые было вороха набрал родимого, дышанье перехватывающего, из чего когда-то состоял, неразумный и тёплый, — в руках распадающегося набрал, сквозь пальцы ускользающего, со страхом за родимое понимая уже, видя, что его, человека, там нет нигде и никогда не будет — никогда... Он и в настоящем-то, дитя замороженной толпы, не больше чем живой игрушечный физический принцип неопределённости был — он, размытый в скользящих своих координатах, размазанный в мнимостях движения, в самом ощущении неверности и сугубой тщеты этого полёта, всё меньше понимая, где он и кто такой всё вообще, и блуждающий огонь его бледно занимается и здесь одновременно, и там, дьяволу отчужденья ли кады, ангелам ли беспамьятства... И он ещё держал что-то, да, пусть остатки, пусть горькое самое, соль свою, крупинку любви и смысла среди холодной, враждебной всему пустоты несбывшегося, ещё ведь чувствовал в руках — и вот в самом усилении том, в оцепенении его как-то упустил тот момент, когда держать руками, удерживать душой стало уже нечего... Что-то на мгновение просело — самолёт ли, самое ли время, — и в бесплотное, в беспамьятное это мгновение, в трещину временную малую, но дна не имеющую, соскользнуло оно нечувствительно, для пальцев неосознано, но не для души, и ничего не стало. И тогда ему кто-то сказал, что родное покидает первым. И это, кем-то сказанное, было настолько несправедливым, невозможным и показало ему таким гнусным, всю самую низкую и грязную ложь внизу оставленного вертепа вобравшим в себя, что он чуть не задохнулся в бессильном гневе. Он весь был против, ненавидя глумливый этот голос; красноватый, наплыв вдруг спёртый туман удушья, в котором не было воздуха, непроглядный, — но тут же и отпустить стал помалу, спадая, злость тоже ушла, а бессилье осталось. Но оставалось не как след прошедшего

гнева, не как боль в развязанных, свободных, уже способных к делу руках — нет, оно вдавило его в себя, прибило, как пыль дождём на дороге, унизило вконец, и не было сил никаких ни на ответ гнусному этому, готовому всё унижить неверием и растлить голосу, ни на пробуждение даже.

Что-то там, во внешнем гуле, переменялось на беспокойное, усталое; он ясно слышал, как потрескивало в обшивке, как потом вплёлся, включился другой какой-то звук, тоном выше, качнуло. Он вроде бы очнулся, или это ему лишь показалось так; вроде как глянул, всё те же были внизу бескрайние сверкающие гряды облаков, разреженность, посередине он, а выше — над всем — слепящее в упор светило и неопределённо-тусклая, размытая по краям и всё за собой скрывающая пелена вместо неба.

ВЕЛИКИЙ ГОРОД

Совсем неподалёку отсюда под тяжёлой наволочью небес ещё, должно быть, стонали над полями, тоске прощальной отдавались остатные журавли, всё чьи-то имена, невнятные имена ушедших выкликали; одиноко, на весь свет слышно скрипела перекошенная срядь осеннего разора калитка в брошенной какой-нибудь деревеньке, и дождались ненастья, чтобы скорбно шуметь, окрестные перелески, как никогда покорной стала трава, — всё где-то рядом совсем, за мутной завесой дождя, в смежном бытии, куда всего, может, десяток шагов надо сделать, чтобы попасть... А здесь перекачивался, рассылая внезапные порой гулы и крупную землю и воздух отдавая дрожь, на всё наваливался и сотрясал приглушённый сыростью звенящий свист и гром едва приуроченных турбин; тревожные, почти судорожные в миражах стекол, припотевших от человеческого дыхания, взблескивали в поле бортовые багровые огни, и торопились, телами и лицами от чемоданов перекосясь, люди, попутчиков и себя растеряв, множество людей, дышаньем вперемешку, душами вразброд, забыв что-то противопоставить в себе этому; и толчками гнало их, как тёмную шевелящуюся кровь, в проходы, в стеклянные теснины дверей, толкло, подстёгивало резким из динамиков гулким голосом неразборчивым, — чтобы всему этому смениться, наконец, на мимолётный, квёлый на болоте домодедовский березняк за окном электрички, почти облетевший, на тайну его, примелькавшуюся всем, привычную, захватанную пустыми глазами транзитников, на полосу и людского тоже, как ни смешивайся дышаньем, отчуждения, полосу ожидания. Ходко, торопливо гремело железо под полом и на стыках, ходуном ходило, поматывало, тусклая ползла назад вода по стеклу. Назад, за тысячу вёрст, в ещё не вымытые из крови ощущения зыбкости, противоестественности полёта, когда с дрожью протяжённой и воем вынесло с взлётной полосы в пустоту проседающую, снизу чем-то ненадёжно подпираемую, накренив выгоревшую, совсем бесснежную, в осенней сухой и сквозной дымке степь под коротко подрагивающим крылом, вытертое бильярдное сукно зеленой, всю нестрашную, усталым солнцем насквозь просвеченную пропасть эту...

А уже призраки огромного города, многоконтурные, возникали из белесой мглы по отдалённым возвышениям — придвигались и расслаивались в глубину, расставлялись, ещё по окраинному разрозненные на голых, в мелком строи-

тельном хламе пустырях и косогорах, изначально холодных, никакого сердца не хватит согреть их слишком убогие, чтобы полюбить, углы и прямые. Сменяли друг друга, ничего не меняя, двоились и троились, множились, все пути заступая взгляду и духу; но колоколенка мелькнула — и хаос многооконного бетона, чёрствых этих сот обыденности и завоёванного было социального равенства, протёк вдруг одной улицей, другой, в регулярность некую вызревая на глазах, суетливо пытаясь выстроиться, город нарастал. Он не менялся, великий город. Он густо, астматически трудно дышал в небо холодными тяжёлыми испарениями асфальтовых полей, жестяной зеленью парков и крыш, машинным торопливым чадом, и тёмная над ним, вытянутая линза смога распростёртая, такая видимая со стороны в дни поясной, хранила его от пустоты провидения сверху, от остуженных российских пространств, провинциальных сквозняков беспокойных, малочувствительных до поры до времени для здоровья столиц, — оберегала, соглашались все, для дел поважнее обыденных, для дел судьбоносных; и этим общим согласием и непререкаемой верой в себя жил этот город всегда, сейчас пытался жить тоже.

Город бредил собою, жил собою, катился и тёк в отлаженных шероховатых руслах своих, в глухой воркотне и вздохах вечно неспокойного, невразумительного воздуха, выплесках, тотчас уносимых, автомобильных гудков и случайного порой громыханья, в мутном свечении мокрого асфальта, плачущих витрин, дневного бессонного электричества. В слитном глуховатом шарканье, в говоре столичном сдержанном текли толпы, распавшаяся и вновь собирающаяся, социальная протоплазма, до жидкой консистенции разбавляемая мелким сверху дождиком, в воронки закручиваемая у отверстием метро, — где, ненадолго поуспокоившись на эскалаторе, занимались в скоротечном его времени кто чем, каждый своим: кто в сумочке копался, кто успел задуматься, другие без любопытства смотрели на вспясть, навстречу текущих, наискось и будто мимо глубины — в иную, нежели земная, всяк в свою... Прикрыв глаза, услышать можно было, как сопит, носами деликатно шмыгает, покашливает сезонный грипп, как гудят где-то глухо под ногами машины и поддёргивается транспортёр, как душно сырая парит одежда и потеют под ней. Надсадно дышал, беспомощно поглядывал вверх костлявый старик в берете времён республиканской Испании; одна молоденькая — изваянное ушко, подбородок нежно полный, обещающий развиться, — легонько перебирала пальчиками, накручивала в ухоженной на манер скиперской вьющейся бородке партнёра — и дёрнула, и засмеялась как в постели. Втолклись в вагон, вежливо друг друга притиснули, но тут же посвободней стало, в грохоте подземки гулял над головами лёгкий сухой, всеобщий культурой и резинной пахнущий сквознячок, отрадный всякому приезжему, всем тут было место, даже если и не хватало его, всех притягивало: дывись, яка тут культура... Те двое успели сесть и теперь читали, не видя никого, одну книжку, мелькнуло там: «Я ни у кого не собираюсь искать поддержки, — огрызнулся Тэд...» Она с ловкостью потомственной конфетчицы развернула пальчиками одну, откусила, а другую половину, не глядя, поднесла квартирному скиперу, тот открыл рот, и она положила ему туда, всё это машинально, не переставая читать, сытые и

Василий ГЛУШКОВ У КОГО ДУША ПОЁТ...

красивые, она в модном балахоне, он, как многие из мужского пола, в дурацкой адидасовской шапочке вязаной — шуты то ли моды, то ли нынешней семейной жизни. Они съели так, читая, несколько жирновато-сладких изделий «Рот-Фронта», на Горьковской книжку закрыли, встали, перебрались парой слов, улыбнулись мимо куда-то в воздух и пошли; и все повалили, наверх, вот он-то был один на всех, верх.

И выплеснуло наружу, и выплёскивало не переставая, в движении непрестанном, где стёрто всё, сшарканно, даже гранит ступенек, так нас много; и вот тащилась по ступенькам в переходы, сбегала, валила человеческая середина; провинция вертела головами; джинсовые кентавры скакали; с независимостью и некой всё же осторожностью, кошкой по грязи, ступали иностранцы; и детишки, радость всего земного и боль неотступная, попевали как могли за старшими, ножонками перебирая и оглядываясь, а вон гений мелькнул, расхристанный, с безумными требующими глазами, спятивший от собственной гениальности и этого города, артист погорелого театра, тротуарных заплёванных подмостков — мелькнул и пропал, как не было. Текло, смещалось неуследимо, сминалось, размывалось, точно глина на пути воды, отламывалось и уносилось, под руками расплзлось, схватиться не за что; и лишь кое-где среди всего этого смещающегося, будто по какому краю бытия скользящего, останавливали взгляд, возносились в напоминанье над всем отточенные мыслью и мерой строения былого, образцы загадочных совершенств, утерянных соразмерностей, лики, со дна необратимого глядящие, — никем, кажется, не замечаемые теперь.

Город не менялся, да в том, пожалуй, особой и не было нужды. Разноголосый, сытый, бойкий из всех и деловитый, когда надо — бесцеремонно жёсткий, знающий, что за ним и в нём самом, он неутолимо прокачивал через себя тёмную эту, неизъяснимо свежую и свободную, несмотря ни на что, полыню пространств и надежд горчашую кровь, не давая застояться ей, совсем уж закиснуть в дальних и ближних углах. Лицом на запад, дипломатически ослабившийся, спиной к тому, что заслонял собою, защищал и берёг как умел, как мог, чьей силой и всегдашним согласием распоряжался не спрашиваясь, он более других знал о себе и, трезвый всегда и усмешливый, менее всего склонен был предаваться иллюзиям или валять дурака. Столичный, но осадистый, в изъеденную под собой коммуникациями землю тяжело просевший меж древних холмов, теперь уж не видных, потерявший купола, но нечто другое, более насущное и постоянное сохранивший в себе, он был выше, больше себя, теплей своего гранита и жёстче, его было за что любить. Его и ненавидели, со стороны, но ненавистью обессиливающей самое себя, вырожденческой уже, к которой, по раздумью, нам не стать привыкать, как ни жаль её сознать, и какую не первый уж раз приходилось встречать на пороге, которой пренебречь никак нельзя, но и в трагически-неразрешимое возводить не надо тоже, ни к чему, — потому как всё дело в первую очередь было раньше и состояло теперь не в ненависти, он знал, а всё-таки в любви.

Знал — и вот предал всё, продал ни за понюх, разменял на соблазны и прельщения, и только одно теперь оставалось, одним лишь искупить можно было, поправить непоправимое, спасти — кровью невинных.

МЫ

Настоящие, а не бывшие,
Мы — такими — живём сейчас,
Свою Родину полюбившие
В самый трудный, пожалуй, час.

Мы, до космоса воспарившие
Мощным именем СССР.
Вдруг на правду глаза открывшие,
Удивились, как быт наш сер.

Похвалялись рабочими робами
И палатками в дебрях БАМ.
Облучённые злым Чернобылем,
И прошедшие сквозь Афган.

Комсомольцами убелёнными
Неприкаянной сединой,
В наших внуков теперь влюблённые,
Продолжаемся их судьбой.

ВНУЧКЕ ВЕРОНИКЕ

После праздника, притихший,
Зимней улицы денёк
Украшают ребятишки —
Подают свой голосок.

До чего ж прелестно утро,
Если солнышко в окно.
Стало в комнате уютно
И светло, и озорно.

Ярче отблеск новогодний,
Цвет на ёлочных шарах.
Свет искрится небосводный
На рождественских снегах.

В УДМУРТСКОМ ДОМЕ

Зажглись вечерние огни...
Гость —
за столом,
зван,
не обижен.
А перепечи,
табани

АВТОРА!

Василий Николаевич Глушков родился в 1942 году в Сибири. Окончил филфак Ижевского пединститута. С 1979 г. живёт и работает в Ижевске. Автор трёх поэтических сборников. Известен как переводчик финно-угорских писателей. С 2004г. и по настоящее время — заместитель председателя Союза писателей Удмуртии. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики.

такие —
пальчики оближешь!
Для гостя
даже мать — меми*
как для своей
большой родни,
под перепечи,
табани
ещё —
и
рюмочку поближе...

*меми — мама (удм.)

ВОЛОЖКА

Снимаю лодку с колышка.
От берега гребу ...
Травой зелёной Вулочка
Привязана к пруду.

Спят избы деревенские,
Спят дачные сады ...
Ладошки вёсел всплесками
Тревожат сон воды.

Чуть-чуть, на самом доньшке,
Мне утренней тиши.
Туман — прохлада Воложки,
Стекает в камыши.

Весёлым с грядки солнышком
Подсолнух цвет поднял ...
А на полянах Воложки
Роса сверкает дня.

Валы бегут от катера.
Из лилий мнут ковры...
Не тем ли притягателен
Наш камышовый крым?

Блесну метаю спиннингом —
Рад щуку обмануть!..
Хоть бесконечность синюю
Рукою потянуть.

* * *

Выключить радио,
выключить телевизор,
к окну подойти
осенний смотреть листопад
и вмиг ощутить,
что ты светом каким-то пронизан,
и мысли, как листья,
мечтательно тоже летят.

И воздух туманный,
и влажная, с ветром, прохлада,
и то, золотое,
что не имеет цены,
подобно любви,
уходящая в вечность услада;
и необычные,
в лоне обычного,
сны.

В ПАРКЕ КИРОВА

Трава усталая согнулась,
Парк по-осеннему примолк,
Огнём рябина полыгнула,
А ель стоит, как теремок.

И листьев золотые пятна
Сквозь дымку радуют глаза.
Идти легко, идти приятно
По тропке в дикие леса.

ПРИГОРОДНЫЙ ПОЕЗД

Не ходит дальше местных линий,
Стоит подолгу в тупиках.
На окнах пыль, как грустный иней,
И тамбур иногда в плевках.

Но с летних дач и огородов
Вернуться в город- тут вопрос...
Родной, железною подводой,
По рельсам катит паровоз.

Не пролетит он мимо «скорым»,
У пасек даже тормозит.
Да вот он из-за косогора
«Рысцою» гулкой к нам скользит.

Не поднесёт он чай с заваркой,
Не угостит и кипятком.
Но всё ж, каким судьбы подарком —
Вагоны общие битком.

НОЧНОЙ ПРИВАЛ

Темнота. Не оступиться бы!..
Котелок несущ в руке.
Ночка звёздными копытцами
Ступает по реке.

Не моё воображение —
На пути ночной привал —
Осторожное вторжение
В сон кустов, деревьев, трав...

Темнота. Костра клубится биль.
Чай вскипает в котелке.
Ночка звёздными копытцами
Ступает по реке.

ФЕРТ

Он ферт из фертов,
Джентельмен,
Умеет чинно кланяться
И подобрать такой момент,
Чтоб выгодно понравиться.

Ему копейки бы не дал
За облик сей сомнительный,
А он в серьёзнейший попал
Орган исполнительный.

И нет конца такой беде,
Частенько так случается,
Что расфуфыренной балде
Власть иногда вручается.

А у кого душа поёт,
Но не богат, не с модою,
Тот простаком в миру сльвёт,
Чурбаном и колодою.

ГОРОД ВОТКИНСК

Кто расставался, понимает,
Что значит возвращаться вновь,
Туда, где просто обнимают —
Не за известность — за любовь.

Редакция БМ поздравляет Василия Николаевича Глушкова с 70-летием! Желаем доброго здоровья, творческого долголетия и добра!

ПОЛОЖЕНИЕ о Литературной премии Уральского федерального округа

при поддержке полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе

I. Общие положения

1. Настоящим положением регулируется порядок присуждения Литературной премии Уральского федерального округа (далее — Премия).

2. Премия учреждена Ассоциацией писателей Урала и Правлением Ханты-Мансийского банка при участии аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

3. Присуждение Премии осуществляется при поддержке полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

5. **Миссия Премии:** сохранение и развитие традиций отечественной художественной литературы.

6. **Цель Премии:** привлечение внимания широкой общественности к произведениям современных авторов, обладающим художественной ценностью и направленным на формирование в обществе нравственности и патриотизма.

7. Задачи Премии:

- 1) создание ярких литературных образов Урала и Сибири;
- 2) создание положительных образов героев современности;
- 3) стимулирование литературного творчества современных писателей.

II. Организационное обеспечение премии

8. Проведение конкурса на соискание Премии осуществляется организационным комитетом, формируемым учредителями Премии.

Организационный комитет выполняет следующие функции:

- 1) осуществляет сбор заявок от соискателей Премии;
- 2) формирует жюри Премии, которому передает утвержденный список соискателей и их произведения;
- 3) организует и проводит церемонию награждения лауреатов Премии.

9. Жюри Премии формируется из авторитетных деятелей в области литературы и литературной критики, представителей общественных объединений и органов власти.

Жюри Премии рассматривает произведения соискателей в соответствии с утвержденным оргкомитетом списком и выносит решение о присуждении Премии.

Произведения членов жюри Премии не могут быть выдвинуты на соискание Премии.

Состав жюри Премии обновляется каждые два года на одну треть.

10. Состав жюри, список соискателей и лауреатов Премии доводится до сведения общественности через средства массовой информации.

III. Условия

присуждения премии

11. На соискание Премии могут приниматься произведения различных литературных жанров и форм, опубликованные за последние два

года перед присуждением премии (с 1 января предыдущего года по 31 декабря текущего года).

12. Выдвижение соискателей на Премию осуществляется подразделениями Союза писателей России и Союза российских писателей, литературными ассоциациями, музеями, библиотеками, учебными заведениями, редакциями литературно-художественных журналов, книжными издательствами, другими организациями, а также организационным комитетом Премии.

13. Для включения автора в список соискателей Премии в организационный комитет Премии представляются следующие материалы:

- а) сопроводительное письмо-заявка или выписка из протокола общего собрания (заседания правления) выдвижающей организации;

б) анкета соискателя (Ф.И.О., адресные и паспортные данные, краткая творческая справка);

в) три экземпляра выдвигаемого произведения в печатном виде и 1 — в электронном;

г) статьи, рецензии, отклики в прессе, посвященные соискателю и его произведению (по возможности).

14. Заявки на соискание Премии принимаются организационным комитетом с 1 октября текущего года по 15 января следующего года, после чего утверждается список претендентов. Конкурсные материалы передаются в жюри Премии.

Прием заявок осуществляется по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12, Ассоциация писателей Урала (на Литературную премию УФО). Телефон (343) 371-12-06, факс (343) 246-66-32, электронная почта: kerdan@ru66.ru

15. Победители конкурса в пяти номинациях объявляются Лауреатами Премии.

Каждому из пяти лауреатов Премии вручается денежное вознаграждение (сумма по решению Оргкомитета), диплом и нагрудный знак премии.

17. Церемония вручения Премии приурочена к Международному дню писателя, отмечаемому ежегодно 3 марта.

РЕКЛАМА

Издательство «АСПУР»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов: афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги. С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Адрес издательства: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
E-mail: aspurizdat@mail.ru

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2. Вся верстка выполняется на платформе РС.
3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все мзображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№3 (33)

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 2012

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ
УРАЛА, СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОН-
НЫЙ СОВЕТ:**

Екатеринбург:

Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения
Союза российских писателей;
Касимов Е.А.
председатель отделения
Союза писателей России.

Барнаул: Кирилин А.В.

председатель краевого отделения
Союза писателей России

Ижевск: Загребин Е.Е.

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Морозов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.

председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.

председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижевартовск: Александрова М.А.

председатель городского содружества
писателей

Новосибирск: Шалин А.Б.

председатель отделения
Союза писателей России

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.

председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Молчанов В.М.

председатель регионального
отделения Союза российских писателей

Пермь: Якушев В.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Томск: Скарлыгин Г.К.

председатель правления областного
отделения Союза писателей России.

Тюмень: Денисов Н.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Данилова-Пушкарь О.И.

президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.

председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Мизгулин Д.А.

председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.

председатель организации
Союза российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075,
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12. «Ассо-
циация писателей Урала».

E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.

Электронный архив газеты:

www.ayac.narod.ru/ursa/

Контактные телефоны:

(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликован-
ные в издании, защищены законами об
авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз. Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Печатный Дом»
г. Реж, ул. Красноармейская, д. 49.
Тел. (8-3436) 42-15-32